

ЮНЕСКО
Январь 1976

Окно, открытое в мир

Курьер

КЕЛЬТЫ

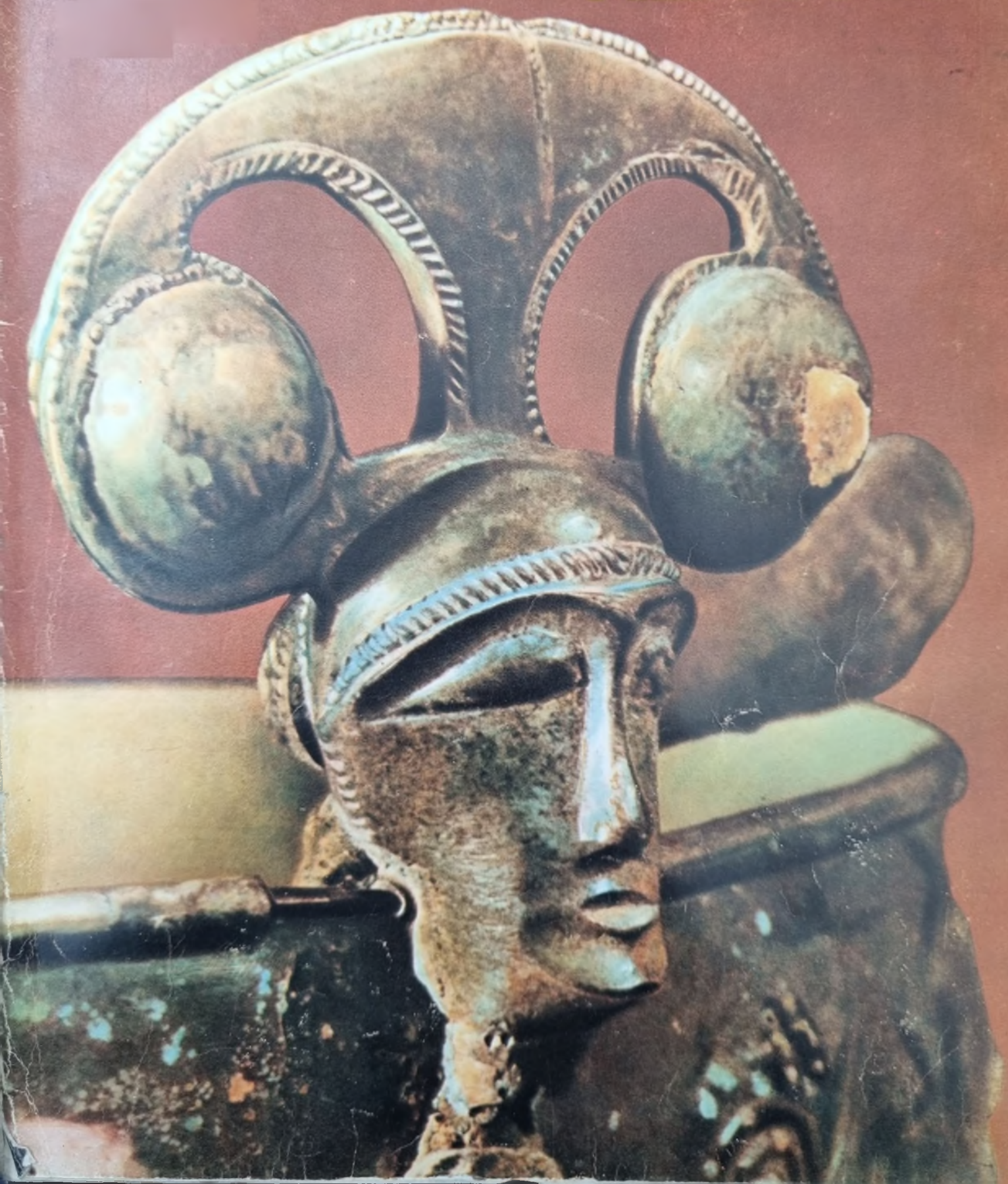

Фото © Леонард фон Матт

**СОКРОВИЩА
МИРОВОГО
ИСКУССТВА**

ИТАЛИЯ

Приветствие этрусков

Изображение этрусской женщины, выполненное 2500 лет назад. По-видимому, это танцовщица; она фигурирует среди других актеров в изображенной сцене на этрусской усыпальнице, найденной в Тарquinии (Италия). Получившая название «Гробница цирричей», она считается одной из самых значительных среди примерно 6000 захоронений (из которых более 60 украшены живописью), обнаруженных за последние 20 лет с помощью современной техники в знаменитом этрусском некрополе Тарquinии.

ЯНВАРЬ 1976

29-й ГОД ИЗДАНИЯ

ПУБЛИКУЕТСЯ НА 15 ЯЗЫКАХ

Русском	Хинди
Английском	Тамили
Французском	Иврите
Испанском	Персидском
Немецком	Нидерландском
Арабском	Португальском
Японском	Турецком
Итальянском	

Публикуется ежемесячно ЮНЕСКО — Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

Ежемесячный иллюстрированный журнал «Курьер ЮНЕСКО» выходит 11 выпусками в год (август-сентябрь — двоянный номер). Издание журнала на русском языке с 1957 года осуществляется издательством «Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО.

При перепечатке материалов обязательна ссылка на «Курьер ЮНЕСКО». При перепечатке подписанных статей необходимо указывать имя автора. Подписанные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и редакции журнала.

Адрес главной редакции ЮНЕСКО, ФРАНЦИЯ, Париж, 75700, Плас Фонтенуа

Главный редактор Сэнди Коффлер

Заместители главного редактора Рене Калоз Ольга Родель

Помощники главного редактора

русский яз.: Виктор Голячков (Париж)
английский яз.: Рональд Фэнтон (Париж)
французский яз.: Джейн Альбер Эсс (Париж)
испанский яз.: Ф. Фернандес-Сантос (Париж)
немецкий яз.: Вернер Меркли (Берн)
арабский яз.: Абдель Монеим Эль-Сави (Каир)
японский яз.: Кадазу Акао (Токио)
итальянский яз.: Мария Ремидди (Рим)
язык хинди: Н. К. Сундарам (Дели)
язык тамили: М. Мохаммед Мустафа (Мадрас)
язык иврит: Александр Бройдо (Тель-Авив)
персидский яз.: Феридун Ардалан (Тегеран)
нидерландский яз.: Поль Моррен (Антверпен)
португальский яз.: Бенедикто Силва (Рио-де-Жанейро)
турецкий яз.: Мефра Тельджи (Стамбул)

Литературные редакторы

английский яз.: Рой Мэлкин
французский яз.: Филипп Онэ
испанский яз.: Хорхе Энрико Адоум

Подбор иллюстраций: Анна-Мария Майлар

Оформление: Робер Жакмен

Документация: Кристин Буше

4 КЕЛЬТЫ. ПЕРВОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО

Поль-Мари Дюваль

6 КТО ЖЕ БЫЛИ КЕЛЬТЫ!

Эни Росс

16 К ИСТОРИИ КЕЛЬТСКОГО ЯЗЫКА

18 ТРИ ЛИКА ЖЕНЩИНЫ

Жан Марналь

23 СКАЗОЧНОЕ ИСКУССТВО В МЕТАЛЛЕ

Цветные вкладки

32 КЕЛЬТСКОЕ ИСКУССТВО

Рене Жофруа

35 ВИНО И ФАНТАЗИЯ

Фотоочерк

36 ИЗГИБЫ И ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ

Фотоочерк

38 КЕЛЬТСКИЕ МОНЕТЫ

Фотоочерк

41 КЕЛЬТЫ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЕВРОПЫ

42 ЭПОС НА СЕРЕБРЯНОМ КОТЛЕ

Фотоочерк

44 КРЕПОСТИ, ПРОТИВОСТОЯВШИЕ ЮЛИЮ ЦЕЗАРИЮ

Вольфганг Ден

49 ПИСЬМА РЕДАКТОРУ

51 ХРОНИКА ЮНЕСКО

2 СОКРОВИЩА МИРОВОГО ИСКУССТВА

Приветствие этрусков (Италия)

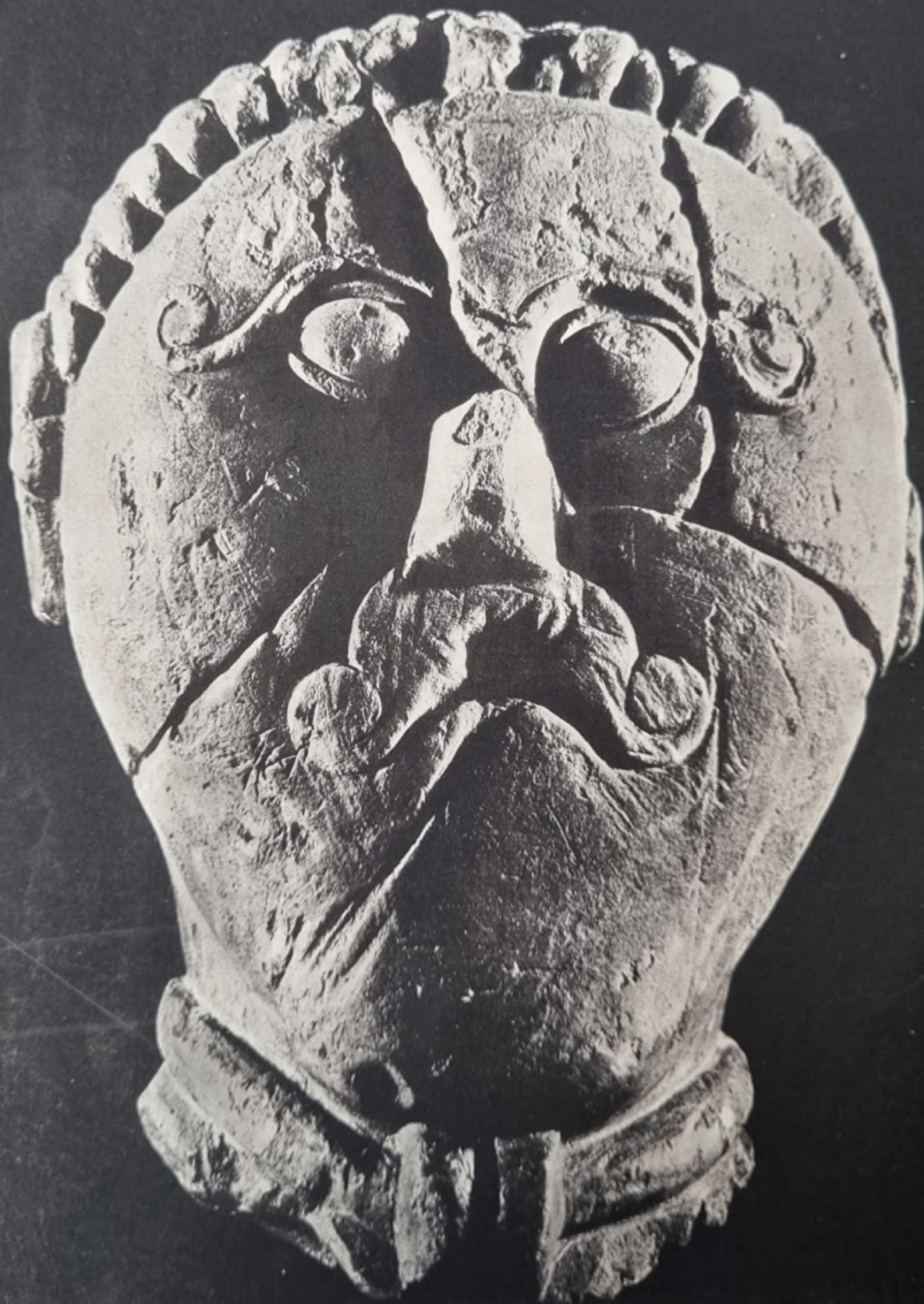

Фото © Дж. В. С. Мероу, Лейчестер, Англия

Этот номер посвящен искусству и культуре кельтских народов, которые на протяжении последнего тысячелетия до н. э. населяли обширную территорию — от Дуная до Ирландии — Европейского континента. Современная наука буквально по кусочкам воссоздает историю кельтов, постепенно проливая свет на многие памятники их материальной культуры. Развитие новых отраслей науки и методов исследования позволило обнаружить своеобразие кельтской цивилизации и по-новому взглянуть на ее важный вклад в мировое искусство. На обложке изображена удивительная по исполнению бронзовая голова воина — деталь декора деревянного ведра, найденного в одном из захоронений в Эйлсфорде (Кент, Англия). Относящаяся к I веку до н. э., эта скульптура, возможно, была создана британским мастером, некогда учившимся в Галлии.

Эта скульптура головы, найденная в Чехословакии, высечена из камня кельтским резчиком во II веке до н. э. Обращают на себя внимание стилизованные черты лица — выпученные глаза и закрученные вверх усы и брови. В искусстве кельтов изображение преобладало над точностью передачи действительности. «Для (древних) греков завтрак был завтраком, а лицо — лицом, — писал Пауль Якобсталь, знаток кельтского искусства, — тогда как кельтам лица представлялись в виде завтраков и завитушек...».

КЕЛЬТЫ

Первое европейское сообщество

Поль-Мари Дюваль

В истории Европы известны два кельтских периода. Первый — это древние кельты второго железного века, современники Древней Греции, империи Александра Македонского и Римской империи, которых римляне постепенно вытеснили на Британские острова; они оставались язычниками вплоть до V века н. э.

Второй период — это кельты-христиане, преемники древних кельтов, жившие в Ирландии, Шотландии и Уэльсе. С V века часть валлийцев вновь переселяется в Арморик (в романизованную Бретань) и создает там блестящую литературу, которая благодаря ирландским монахам, странствующим по Европейскому континенту, оказала глубокое влияние на развитие всей западной культуры в средние века.

Как те, так и другие кельты обитали в островной и континентальной Европе, которых жители Средиземноморья считали варварами, равно как иберов, населявших Испанию, германцев, скифов, населявших степные области, даков, населявших Карпаты, и фракийцев, населявших Балканы. Чем примечательны древние кельты? Во-первых, они умели добывать и обрабатывать железо, обладали удивительным даром перенимать у других народов любые достижения в области техники и культуры. Во-вторых, они отличались демографической и военной подвижностью, благодаря которой сумели из областей, располагавшихся между Рейном и Влтавой и бывших, по-видимому, их колыбелью, расселиться до берегов Атлантического океана, Средиземного, Адриатического и Черного морей и дойти даже до Малой Азии, где они основали Галатию. Однако, несмотря на все это, у древних кельтов не было письменности.

Кельты-христиане выдвинулись благодаря иным причинам. Они заняли Британские острова, которые не были целиком захвачены римлянами, собрали и записали устные литературные памятники, не уступающие по своей ценности эпическим поэмам Гомера; утвердили своеобраз-

ный характер своей культуры; развили и распространили горячую веру, свидетельствуя чему — их отшельники, могущие соперничать с отшельниками «восточных пустынь»; с непримиримым упорством поддерживали языки своей группы и свои традиции, сумев сохранить их до наших дней.

Мы обязаны кельтам первой настоящей европейской литературой нероманского происхождения: это ирландские и валлийские саги эпохи язычества, а в средние века — сказания о короле Артуре, о Граале, бретонские романы, Тристан, лэ (короткие баллады) Марии Французской.

Таким образом, в Европе — от Ирландии до Силезии — еще до Римской и Византийской империй, до германских и славянских государств существовали основы культуры, заложенные кельтскими обычаями и языком. Однако древние кельты не были единой нацией и не основали своего государства, которое сумело бы выдержать натиск римских или германских завоевателей.

Они жили отдельными племенами, княжествами, структура их общества была классовой; иногда создавались федерации, основанные на принципе «клиентуры» (то есть покорения и присоединения отдельных лиц или целых групп, принадлежащих к другим племенам). Дальше этого политическое единение у них не заходило; они истощали свои людские ресурсы, когда, делая попытки перейти к оседлому образу жизни, начинали завоевательные войны; кроме того, численность кельтов значительно сокращалась из-за того, что жажда приключений и легкой наживы увлекала молодых людей в чужие страны, где они становились наемниками.

Таким образом возникло несколько кельтских государств, которые вследствие своей раздробленности в конце концов исчезли: Средняя Германия и Богемия; Восточная, Средняя и Западная Галлия; большая часть Испании, где сложилась народность кельтиберы; Северная Италия, рано завоеванная римлянами; дунайские страны — от Австрии до Югославии, в которых плотность кельтского населения уменьшалась по мере продвижения к востоку; Великобритания и Ирландия, где завершили свой путь и пустили корни пришельцы с континента. Наконец, следы, оставленные «галльскими» набегами, можно обнаружить в Болгарии, Греции и в Малой Азии, а предметы их материальной культуры, если не сами люди, доходили до Силезии, южной части Польши и Украины. Во всех этих областях кельтов не стало еще до наступления христианской эры, и они сохранились лишь на Британских островах.

Греческие и римские авторы отзываются о кельтах весьма враждебно: не эти ли варвары в начале

IV века до н. э. захватили Рим, а спустя столетие разграбили храм в Дельфах? Таким образом, кельтов описывали как народ, который слишком легко соблазнился возможностью наживы и южными винами и наряду с храбростью и гордостью отличался непостоянством и ненадежностью.

На самом же деле Галлия представляла собой мощное объединение племен, на усмирение которых Цезарю пришлось потратить 10 лет. Северная Италия, прежде чем стать частью Римской империи, называлась Цизальпийской Галлией. В Шотландии и Ирландии никогда не ступала нога римского легионера. Поэтому нам следует пересмотреть взгляды средиземноморских народов того времени на древних кельтов, и особенно на галлийцев. Только лингвистика и археология могут оказать нам помощь в подобной попытке исторической реабилитации; этот процесс начался еще в прошлом веке.

О единстве кельтской культуры, выявляющейся до сих пор на довольно обширных и разнообразных территориях, свидетельствуют многочисленные данные. Общий для всех кельтских народов язык с диалектными различиями дошел до нас в галльских письменах, в нескольких цитатах, приводимых греческими и римскими авторами, а также в названиях мест, разбросанных по всей Европе: Лондон, Йорк, Дублин, Париж, Лион, Лейден, Лангр, Бонн, Вена, Женева, Цюрих, Болонья, Милан, Коимбра — все это кельтские слова, равно как Сингидунум (Белград) и Боихемум (Богемия).

Таким образом нам стали известны сотни, даже тысячи кельтских слов, но только часть из них удалось объяснить путем сравнения с архаичными формами ирландского, валлийского или бретонского языков, а также по сопоставлениям с наиболее близкими из мертвых языков — с латинским и германским.

К счастью, средневековая кельтская литература дает нам исключительно богатый лингвистический материал. Она свидетельствует также о пристрастии кельтов к сверхъестественному, о характерных для их поэзии мечтательности, сказочности и очарованности, в которых выявляется их ирреализм, противоположный средиземноморскому классицизму; все эти черты подтверждают существование определенного духовного склада, общего для кельтов всех времен.

В сущности, мы сегодня имеем возможность обнаружить эстетические проявления этого склада в тонких и изящных произведениях искусства древних кельтов — в их красивом отделанном оружии, ювелирных украшениях, керамике, скульптуре, стекле, монетах, отличающихся чрезвычайно оригинальным и удивительно «современным» стилем.

Искусство древних кельтов отно-

ПОЛЬ-МАРИ ДЮВАЛЬ (Франция) — профессор археологии и истории Галлии в Коллеж де Франс. Главный редактор журнала «Галлия. Раскопки и археологические памятники во Франции», выпускаемого Национальным центром научных исследований; руководитель многочисленных раскопок, проводившихся во Франции и Северной Африке. Автор книг «Повседневная жизнь в Галлии» (1952) и «Древний Париж» (1961), в основе которых лежат греческие, латинские и кельтские письменные источники, касающиеся истории Галлии. В настоящее время работает над книгой по искусству кельтов в Европе.

КТО ЖЕ БЫЛИ

Энн Росс

*Я ветер морской,
Я волна океана,
Я рев неумолчный морского прибоя;
Я сокол, когти вонзающий в скалы,
Я бык, преисполненный яростной мощи,
Я капля росы, что под солнцем сверкает,
Я вепрь, поджидающий смелого в чаще;
Я в водах прозрачных лосось серебристый,
Я озеро синь среди зеленой равнины,
Я дротик, ударом решающий споры;
Я тот, кто священный огонь возжигает
Пред мертвой главой, отделенной от тела,—*

так пел древний бард Амарген на заре истории Ирландии, когда на ее землю вступали победоносные гаалы-кельты, оспаривавшие страну у божественных соперников из туаты¹ Де Дананн — «людей богини Дану».

Бык, сокол, вепрь, лосось, священные воды моря, рек и озер, оружие, обладающее чудодейственной силой, поклонение отрубленной голове — все это существенные элементы религии и мифологии кельтов-язычников; верования, связанные с обожествлением этих животных и предметов, играли важную роль в их повседневной жизни и во многом обусловили культурную общность кельтских племен, обитающих на обширных, отдаленных друг от друга пространствах и далеко не однородных в этническом отношении.

Строки древнего барда свидетельствуют также о наличии в языческих кельтских культах и общего для всех верования в бессмертие души; душа, как считали кельты, не гибнет со смертью человека, а перевоплощается, снова и снова обретая телесную оболочку — в иных человеческих существах, в животных и даже в неодушевленных предметах. О том, что такие представления действительно были общими для кельтов, убедительно говорят и многочисленные другие источники.

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 4

¹ Туаты — община на языке кельтов.

ЭНН РОСС (Англия) — археолог и писательница, широко известный специалист по истории и культуре кельтов. Преподавала в Эдинбургском и Саутгемптонском университетах; в настоящее время полностью посвятила себя литературной работе и исследованиям по древнейшей истории и истории кельтов. Автор книг «Языческая кельтская Британия» и «Жизнь кельтов-язычников». Ее книга «Шотландский фольклор» (первая в трехтомнике) готовится к печати; сейчас работает над книгой «Кельтский рекапел. Анализ культуры», а также над пятью другими работами, посвященными прошлому и настоящему кельтов.

сят к латенской культуре — по названию гельветской стоянки Ла Тен на Невшатальском озере; после сделанных здесь археологических находок второй железный век в Европе стали называть латенским. Их скульптура и графика основаны главным образом на различных сочетаниях волнистых линий, образующих растительные элементы, заимствованные из греко-римских орнаментов, а также на созданных воображением символических образах, которые воспроизводятся в рисунках, украшающих ирландские и британские рукописи, кресты и резные стелы в Ирландии, и которые можно встретить даже в некоторых произведениях романского искусства.

И здесь, в области культуры, мы вновь обнаруживаем единство кельтов, их преемственность. Смелость линий, особенно ясно выраженная в галльских монетах, уже свидетельствует о способности к абстракции, которая в дальнейшем то тут, то там проявляется в европейском искусстве вплоть до наших дней.

Латенское искусство очень своеобразно, оно не похоже ни на какое другое античное искусство. Это крайне утонченное искусство, что особенно ярко проявляется в форме мелких предметов; оно нарушает симметрию классических моделей с той свободой и изобретательностью, которые отражают независимость мышления кельтов, всегда готовых восстать против любых канонов. Но вместе с тем криволинейные сочетания подчинялись у них строгим правилам и нередко создавались при помощи циркуля. Абстракция, фантастические трансформации, создание воображаемых существ играли большую роль в искусстве кельтов, и все это придавало волшебную силу предметам и декору.

Политеизм кельтов также весьма своеобразен. Они обожествляли явления природы, реки, горы, животных; но наряду с этим среди их богов были чудовища, например триликие божества, змей с головой барана, бог с оленьими рогами, маленькие духи или демоны, которых так и хочется назвать домовым или гномами; были у них также богини-матери, часто безымянные (провозвестницы фей); кроме того, существовало множество местных богов. Бога Громовержца можно встретить у всех кельтских племен. Впоследствии некоторые римские божества вобрали в себя черты кельтских богов. А в Ирландии произошло их слияние со святыми, которых почитают христиане.

Наконец, многие из нынешних населенных пунктов были в свое время заложены кельтами. Так, большинство французских городов основано галлами. Некоторые из них несколько переместились, другие остались на прежних местах, но все они сохранили свое первоначальное значение до наших дней. Примеры такой непрерывной эволюции от кельтской крепости до римского, а затем и современного города очень часты.

Народы Европы, происходят ли они от иберов, римлян, германцев и англосаксов, венгров или славян, даже если они об этом уже забыли, несут в себе этнические элементы и частичку культуры, унаследованные ими от кельтов, и эти элементы среди других факторов прошлого могут оказаться одним из авеньев вновь обретаемого родства. ■

КЕЛЬТЫ ?

Петух — одна из многих птиц, фигурирующих в кельтском изобразительном искусстве, — встречается на кельтских монетах, боевых знаменах и домашней утвари. Этот задиристый петух с веерообразным гребешком и хвостом в виде серпа выполнен из листовая бронзы. Он украшает собой крышку сосуда, напоминающего супницу, который был найден в Бюсси-ле-Шато, Франция.

Музей национального древнего искусства,
Сен-Жерман-ан-Ле, Франция
Фото © Бельцко-Зоднак

Немецкий Национальный музей, Нюрнберг, ФРГ

С этой бронзовой кельтской броши, выполненной примерно 2400 лет назад, бесстрашно смотрят на нас два стилизованных человеческих лица. Верхнее — нос картошкой и выпученные круглые глаза — является прекрасным примером кельтского гротеска. Ниже: лицо с остроколючными ушами, увенчанное орнаментом из пальмовых листьев, заканчивающимся почкой лотоса, — кельтский вариант сатира. Брошь найдена при раскопках усыпальницы в Баварии.

РАССЕЛЕНИЕ КЕЛЬТОВ В ЕВРОПЕ

- Область, которую занимали кельты с V века до н. э.
- Расселение кельтов в период между концом V и серединой III века до н. э.
- Область зарождения латенского искусства

Например, в стихах одного из ранних валлийских поэтов Талиесина, жившего, вероятно, в VI—VII веках н. э., раскрывается та же идея бесконечного возрождения и переселения души:

*...И снова преображенный,
 Был я голубым лососем,
 Был я собакой, оленем,
 Косулей на склонах горных;
 Был я бревном и лопатой,
 Сверлом в прокопченной кузне
 И целых полтора года
 Был петухом рябым,
 Озотно топтавшим кур.*

Представления такого рода живы в фольклоре кельтов и поныне. В их народных поверьях считается, например, несомненным, что дух «отлетает» от плоти усопшего в виде бабочки, маленького насекомого или птицы. А когда человек на смертном одре готовится распрощаться с жизнью, душа его крошечной птичкой порхает у постели или у окна дома.

Свидетельства кельтских литературных памятников и современного фольклора подтверждаются и произведениями греческих и римских классиков. В них также неоднократно встречаются упоминания об искренней вере кельтов в загробную жизнь в духовном и даже физическом смысле, об их убежденности, что в «ином» мире их ждет новое рождение, об отсутствии у них страха перед «миром иным».

Потусторонний мир кельтов несколько не походил на мрачную и зловещую преисподнюю средиземноморских религий; наоборот, он рисовался им местом, где самых желанных для язычника-кельта радостей — пиров, празднеств, поединков, набегов, охоты, скачек, рассказов об увлекательных приключениях, любви прекрасных женщин, наслаждения красотами природы и т. п. — гораздо больше, чем даже на земле.

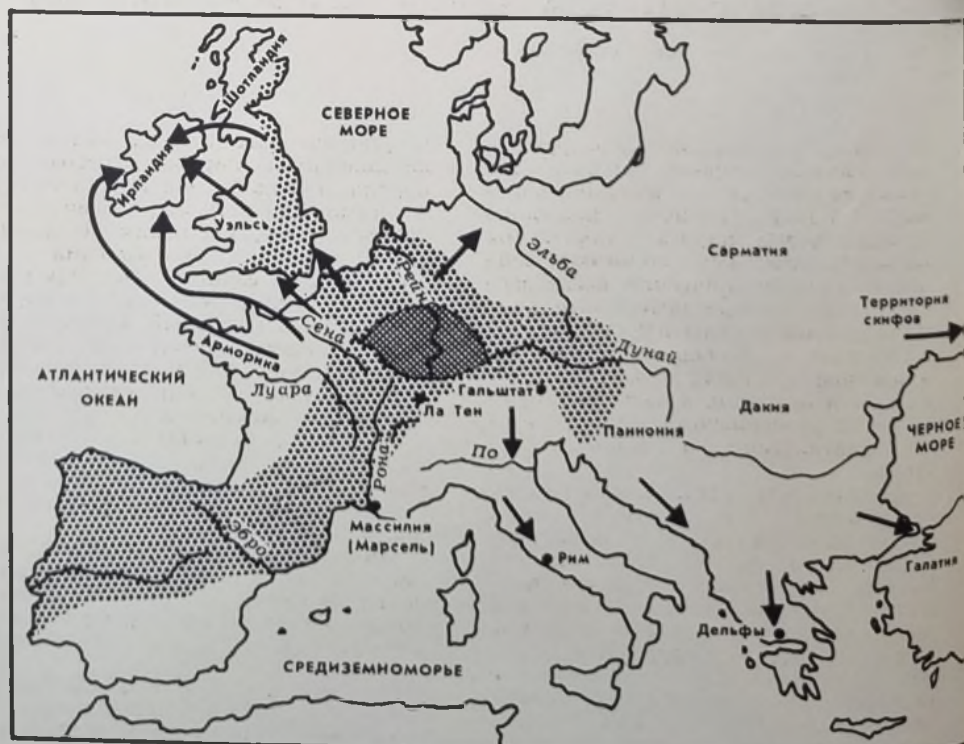
Мы можем спросить теперь: «Что же это был за народ — кельты? Из

каких источников мы знаем о нем? Какие специфические черты его духовного склада определили особое место кельтов среди других народов древности и помогли их потомкам, живущим ныне в западной части Британских островов и в Бретани (Арморике времен Цезаря), сохранить до наших дней ряд самобытных элементов своей древней культуры?»

Кто были кельты, когда и где сложились они как народ — эти вопросы давно уже составляют предмет бурной научной полемики, которая, скорее всего, не прекратится и в будущем. Но споры, ведущиеся в этой области, теперь уже отнюдь не бесплодны и схоластичны. Развитие техники научных исследований, привлечение к старым методам изучения новых научных дисциплин обеспечивают ныне значительно большую доказательность выводам, сделанным главным образом на основе умозрительных теорий и концепций.

Основным источником сведений о кельтах, их религии, жизни, культуре, ремеслах является, конечно, археология, дающая наиболее «осязаемый» материал. Но не меньшее значение имеют также письменные свидетельства греческих и римских авторов (как враждебные, так и хвалебные по тону), данные топонимики, сохранившиеся собственные имена, писания раннехристианских хронистов Ирландии и Уэльса, запечатлевших для потомства немало бесценных сведений о деяниях и верованиях своих предков. Интересный дополнительный материал дает и фольклор — как современных кельтов, так и районов, когда-то населенных кельтскими племенами (правда, пользоваться таким материалом следует, естественно, с величайшей осторожностью).

Наконец, в последнее время на первый план выдвигается значение ряда новейших факторов, обусловленных развитием научно-технических знаний: все большее распространение получает радиоуглеродный метод датировки, а для обнаружения

Карта Р. У. Фичин — Курьер ЮНЕСКО

Исторический музей, Месгеард, Хейберг, Дания

Фото © Эдиссон Ля Тем, Париж

объектов, невидимых невооруженным глазом, широко используются самые различные достижения современной науки. Изучению проблемы происхождения народа, который мы называем кельтами, помогают сейчас и палеоботанические исследования, раскрывающие интересные факты о древней растительности (и, следовательно, об особенностях питания в древние времена), и исследования в области генетики, и изучение групп крови, и усовершенствованные методы лингвистики, и многое-многое другое.

Между тем исторические корни кельтов пока еще скрыты в затянутом туманом неопределенности глубинах прошлого. В реальности их былого существования сомневаться, конечно, не приходится — ведь у нас перед глазами их живые потомки, дух и темперамент которых и поныне обнаруживают поразительное сходство с душевным складом давних прародителей. Но это еще не все: «отголоски» национального характера

могущественных племен, сотни лет населявших обширные пространства Европы и Малой Азии и борющихся со всеми, кто вступал с ними в соприкосновение, мы видим не только в тех, кто по праву рождения владеет унаследованным от предков древним языком кельтов. Этот народ оставил свой незримый, но ощущаемый и сегодня отпечаток на многих странах, возникших позднее там, где располагались некогда укрепленные городища кельтских племен.

Например, известный «галльский характер» слагаемыми своими во многом обязан наследию кельтов — их живому духу, артистизму, умению радоваться прелестям жизни.

Именно в этом и заключается для нас суть значимости кельтского мира: не зная его, невозможно по-настоящему понять последующую историю Европы, пути ее дальнейшего развития.

Однако в этой статье мы не будем ставить вопрос в столь широкой плоскости, а ограничимся лишь тра-

Этот созданный кельтским мастером в III веке до н. э. полуорел-полусова напоминает по манере исполнения работу художников-мультипликаторов XX века. Умело используя полукружия, полумесяцы, треугольники и другие геометрические фигуры, древний мастер передал образ, ясный с первого взгляда. Фантастическое животное — часть массивной бронзовой ручки (весом в 1 кг) большого котла, найденного в Ютландии (Дания). Ученые считают, что котел Браа был изготовлен в Центральной Европе, в Моравии. Факт его обнаружения в Скандинавии, куда кельты не доходили, служит одним из многочисленных примеров широкого распространения кельтского искусства в Европе.

Фото © Эриел Фотограф, Камбридж, Англия

диционной его интерпретацией; поэтому, характеризуя кельтов, мы скажем только, что этот народ находился на достаточно высокой ступени развития уже в VIII—VII веках до н. э., а позднее, между 500—250 годами до н. э., достиг вершин своего расцвета. Затем начался постепенный упадок его влияния и могущества под ударами быстро возвышавшегося Рима, в результате чего законы Римской империи возобладали на большей части кельтской Европы. Однако Ирландия осталась неподвластной Риму. Благодаря этому она явилась своего рода хранилищем поистине бесценных богатств, унаследованных от полного сил, независимого кельтского мира доримской эпохи.

Чтобы понять своеобразие повседневной жизни кельтов, их духовного мира, нам придется начать с возникновения собственно кельтской культуры, которая сложилась около 700 года до н. э. и известна в науке как гальштатская культура.

Такое название, конечно, всего лишь условный термин. Буквально это означает, что культура кельтов сложилась именно здесь, в горном районе Австрии — Зальцкаммергуте. Однако новые тенденции в предыстории Европы, возвестившие возникновение того феномена, который мы называем «культурой кельтов», развивались примерно в одно и то же время по всей Европе.

Тем не менее благодаря многообразию и богатству археологического материала, открытого в XIX веке в Гальштате, название этого места стало признанным термином для обозначения ранней фазы развития кельтской культуры. Здесь, в глухом горном районе, пышные захоронения представителей могущественной аристократии и скромные могилы общинников-тружеников несли в себе материальные свидетельства жизни людей эпохи поздней бронзы. Эти люди, как и их собратья в других частях Европы, совершали тогда поразительную техническую революцию.

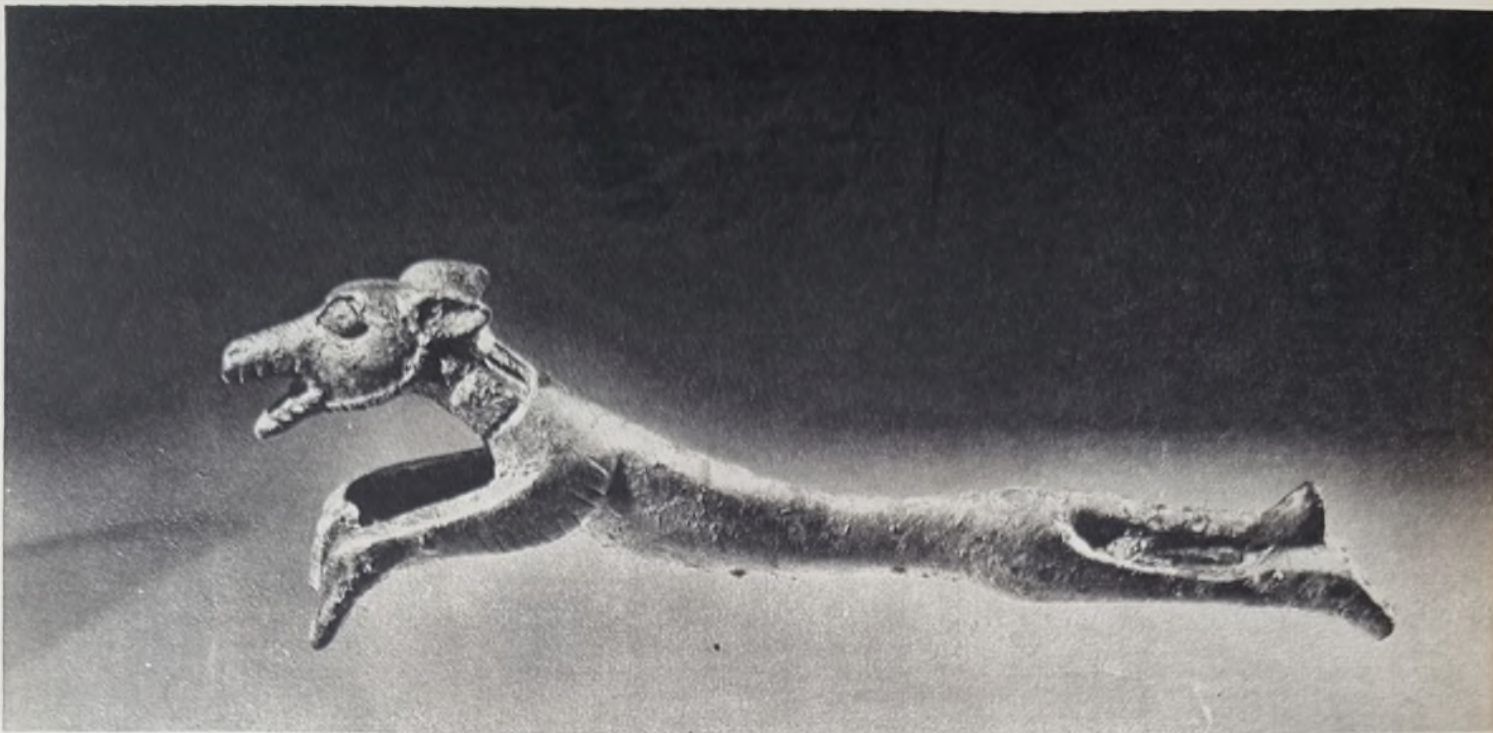
Расцвет гальштатской культуры был следствием интенсивной разработки богатых здешних месторождений соли. Соль уже в то время считалась весьма ценным продуктом. Она давала возможность сохранять от быстрой порчи мясо и другие предметы продовольствия, сберегать их на «тощие» зимние месяцы, да и значение соли для здоровья человека люди поняли, должно быть, уже в очень давние времена.

В Гальштате археологами были открыты захоронения, инвентарь которых показывает, что люди изготовляли свои режущие орудия и мечи не из бронзы, а из железа; вождей они погребали в великолепных погребальных камерах, выложенных из бревен (чаще всего для этого использовался дуб, считавшийся священным деревом), под насыпными кур-

ганами, которые увенчивались статуей покойного в полный рост, изображением его божества или надгробным камнем и ритуальной деревянной стелой. Тела умерших, в отличие от более ранней эпохи, уже не сжигались.

В этих тщательно выполненных захоронениях мы видим своего рода слепки образа жизни и религиозных верований, которые впоследствии стали общепринятыми среди потомков древних обитателей Гальштата — «исторических» кельтов, выступивших на историческую арену Европы около 500 года до н. э. и известных в науке под названием латенских кельтов. В пору расцвета их могущества — между 500 и примерно 225 годами до н. э. — владения латенских кельтов простирались от Балтики до Средиземноморья и от Черного моря до Атлантического океана.

Но вернемся к гальштатским кельтам. Хотя исторические свидетельства о них отсутствуют, мы с полным основанием признаем их именно кельтами — по памятникам их материальной культуры, которая лишь обогатилась и обогатилась, но не претерпела существенных изменений в своей второй, латенской фазе развития. Данные топонимии, раскрывающие историю ряда древнейших географических названий Европы, показывают, что кельтские языки существовали в Европе еще

Гигантский конь (слева), длина которого от кончика хвоста до ноздрей — 110 метров, вырезан в дереве до глубины известкового слоя в Беркшир-Даунс (Англия). Этот так называемый «Белый Аффингтонский конь» расположен вблизи возвышающейся на холме крепости, построенной в железном веке. Он удивительно похож на стилизованных лошадей, изображенных на некоторых кельтских монетах (см. стр. 38—39).

Задолго до того, как «этнографы» классической древности стали описывать нравы и обычаи кельтов — одного из самых «заметных» и, очевидно, самых могущественных народов среди соседей-варваров. Существовали они, естественно, и задолго до того, как в Европе, к северу от Альп, началось, благодаря техническому гению кельтов, применение железа, то есть свершилось то, что мы можем, пожалуй, назвать первой великой промышленной революцией.

Мы не в состоянии сказать с полной уверенностью, каких именно богов почитали эти галльские кельты, но дошедшие до наших дней свидетельства дают основания полагать, что их божества мало чем отличались от идолов более поздних, латенских кельтов. Археологических данных о различных аспектах языческой кельтской религии, зародившейся во тьме предыстории, становится сейчас все больше, и это позволяет предполагать о сходстве верований кельтов на обеих ступенях их развития: в частности, во времена ранних кельтов существовало весьма влиятельное жречество, которое, возможно, ничем не отличалось от прославленных позднее друидов.

Различные формы почитания усопших — сложные погребальные обряды, включение в инвентарь погребений великолепных по исполнению ремесленных изделий (богато

Собаки, обычные и совсем необычные, имели особое значение для древних кельтов. Кухули («Пес Кулана») — знаменитый герой ирландского эпоса — получил свое имя из-за того, что убил свирепого пса другого легендарного героя, кузнеца Кулана, а затем погиб, так как нарушил зарок, лежавший на нем, «не вкушать мяса своего тезки».

Собаки были также у кельтов спутниками богов и стражами потустороннего мира. До сих пор сохранилось множество кельтских преданий о фантастических злобных, добрых и заколдованных собаках. Вверху: собака в прыжке (бронза), длина ее — 14 см.

Кабан у древних кельтов был лучшим объектом охоты, а также пищей, достойной богов и героев. Они считали его также священным животным и поклонялись ему. Изображенная ниже троица бронзовых кабанов (I век н. э.) была найдена в Нёви-ан-Сюе (Франция). Средний кабан имеет почти натуральную величину. Эти находки представлены в Орлеанском историческом музее (Франция) и считаются одними из лучших образцов галльской анималистической скульптуры.

отделанного оружия, украшений, художественно выполненных сосудов, возможно, наполнявшихся элем для «утоления жажды» путешественника в мир иной) и даже кабаньих окороков (любимого яства кельтов) — все это проявления столь распространенного позже среди кельтов преклонения перед предками, свойственного им «культу могил». Кельты верили, что могила человека есть своего рода преддверие к желанной «жизни после смерти».

В могилы знати помещали даже такие объемные символы высокого общественного положения, как четырехколесные повозки с полным набором упряжи. Знатные покойники, таким образом, имели «все необходимое» для последующего своего существования. Позднее на смену повозкам пришли легкие двухколесные боевые колесницы, сохранившие ту же роль символа знатности и величия. Искусные ремесленники, занимавшие довольно высокое место в жесткой иерархии кельтского общества (кузнецов, например, считали чуть ли не полубогами, наделяли их сверхъестественной силой), делали свои колесницы действительно очень изящными, что не мешало им быть достаточно прочными. Ободья деревянных колес со спицами мастера научились обтягивать железными шинами, и их изделия не только радовали глаз своей красотой, но и выдерживали тяжесть гордого кельтского вождя и его обычно довольно упитанного возницы. Везли такую колесницу две небольшие, тщательно выезженные лошади. Их впрягали в ярмо, укрепленное на конце длинного, вероятно, прямоугольного в сечении дышла.

Кельтское общество, по характеру, как мы уже видели, аристократическое, обеспечивало покровительством и щедростью веселых знатных фамилий широкую занятость ремесленников самых различных специальностей.

Надо было строить и обновлять жилища знати — сравнительно простые по устройству, но, несомненно, достаточно пышно украшенные и обставленные; надо было возводить укрепленные городки на вершинах холмов, украшать святилища и

т. д. — эту работу выполняли артели странствующих мастеров. Другие ремесленники создавали великолепные украшения, сосуды и иные предметы домашнего обихода, причем не только для своих племенных вождей и их жен, но и для обмена: у кельтов существовал обряд, во время которого знатные семьи одного племени или разных племен подносили друг другу дары, скрепляя тем самым связующие их узы дружбы или кляту хранить мир и союзническую верность.

Все свидетельства о кельтах говорят о четком делении кельтского общества на три основных класса: «благородных» (жрецы, прорицатели, поэты, воины), свободных ремесленников и земледельцев и, наконец, рабов, составлявших большинство населения и тяжелым трудом обеспечивавших безбедную жизнь тем, кто был на верхней ступени общественной иерархии.

Но отношения между тремя классами кельтского общества осуществлялись в рамках так называемого кельтского права — очень древней и самой сложной из европейских правовых систем античности, с которой римляне вынуждены были считаться в своей политике в отношении кельтов. Кельтское право устанавливало за каждым членом общества, каким бы низким ни было его положение, определенные права; человек лишался защиты закона, только когда он совершал тяжкое преступление, — его отлучали от участия в жертвоприношениях, а племя от него отрекалось, обрекая на жизнь изгоя.

Римский термин «варвар», надо признаться, не слишком удачен. В нашем сознании это слово вызывает теперь представление о дикаре, лишенном всякого понятия о благах цивилизации, но для самих римлян оно означало только, что некий человек не является уроженцем Рима или Греции. Для классических авторов, как известно, «варварами» были даже изысканные этруски.

Жилища кельтов, хотя они, возможно, и не отвечали вкусам и запросам римлян, самих кельтов вполне устраивали, поскольку как нельзя лучше подходили людям, жизнь которых была наполнена, с одной

стороны, охотой, войной, грабительскими набегами на чужие стада, а с другой — возделыванием земли и религиозными церемониями (верования кельтов, их божеества были одним из главных факторов, связующих эти племена в единое целое).

И если римляне предпочитали спокойные беседы на форуме, располагающую к лени роскошь мраморных терм, экзотические яства, безличность официального культа, то у их соседей-кельтов крытые соломой дома — нередко удивительно просторные — давали по вечерам кров и достаточные удобства тем, кто проводил целый день под открытым небом. И война, вернувшегося из похода или с охоты, ждали в таком доме на простом деревянном столе чаши, полные крепкого эля, и незамысловатая, но сытная пища.

Здесь, за прочными, выложенными из камня стенами, было тепло, и отблески огня, горевшего в очаге, мягко мерцали на мозаичном полу на стенках металлических сосудов и кубков, на изящных украшениях искусных кельтских мастеров, на мечях и кинжалах пирующей знати, на богато украшенных щитах, с которыми никогда не расставались гордые и заносчивые кельтские воители.

Личное соперничество, постоянное стремление вождей и воинов выделиться среди себе подобных придавали даже самым обыденным делам, вроде вечерней трапезы, приятный кельтской душе привкус риска и опасности. И единоборство — излюбленный кельтами способ решать исход спора — возникало часто по самым неожиданным поводам.

А когда трапеза кончалась, кельты, в отличие от пресыщенных римлян, не стремились к экзотическим развлечениям. Благородные воины и их гости — а гостеприимство считалось, да и сейчас считается у кельтов священной обязанностью, исполнять которую надлежит столь же ревностно, как религиозный долг, — вполне довольствовались звучанием лиры и мелодичным голосом барда, который читал наизусть или пел строки древних саг о доблестях и подвигах павших героев, поверял легенды о богах, возносил щедрость и благородство устроителя праздника.

КЕЛТЫ ГАЛЬШТАТА

Справа: вид Гальштата близ Зальцбурга (Австрия). Этот небольшой городок у подножья Зальцбергталь — горы, в которой с древнейших времен находились соляные копи, — дал название первому главному периоду кельтского железного века (700—500 годы до н. э.). В 1846 году директор соляных копей Гальштата Георг Рамзауэр открыл обширный древний могильник. Рамзауэр производил раскопки в течение 17 лет и сам вскрыл почти 1000 из 2500 захоронений; сделанные им находки доказали существование ранней кельтской цивилизации, использовавшей железо. Удивительно хорошо сохранившиеся оружие, орудия, ювелирные украшения, уздечки и боевые колесницы свидетельствуют о высоком мастерстве кельтских литейщиков и кузнецов.

Фото © Эрнх Лессинг, Магнум, Париж

ВОИН В ШЛЕМЕ

Эта высеченная из песчаника в рост человека статуя изображает воина в шлеме; единственную одежду его составляет пояс, стягивающий талию. Статуя [V век до н. э.] была обнаружена в 1963 году близ Штутгарта (ФРГ). Когда-то она стояла на вершине могильного кургана, в котором было произведено 16 захоронений, однако впоследствии была сброшена вниз и лежала сломанная у подножия кургана, где и была найдена. Справа (внизу): восстановленный могильный курган в Тюбингене (ФРГ).

Фото Центральный музей, Майнц, ФРГ

Особенности быта кельтов отвечали их нраву, природным условиям, в которых им довелось жить, их традициям; и если быт кельтов в чем-то отличался от привычек и вкусов жителей Средиземноморья, то это отнюдь не означает, что его следует считать «варварским».

Зато некоторые черты кельтской религии действительно могли поразить римлян своим варварским характером. К их числу относились, например, «охота за головами», жестокий обряд человеческих жертвоприношений, никем не оспариваемое всеислие жрецов-друидов. По древней ирландской традиции на празднестве или на племенном сходе никто не имел права говорить прежде короля; но и сам король молчал, если к народу хотел обратиться друид.

Вера кельтов в богов, в силы «ино-го мира» была настолько искренней и глубокой, что религия сливалась у них с бытом, составляла неотъемлемую часть повседневного существования. Кроме того, согласно имеющимся в нашем распоряжении источникам, несмотря на то что каждое кельтское племя имело собственных богов и соответствующую мифологию, в основе своей религия кельтов была единой. Свидетельство тому — существование, наряду с местными божествами, общекельтских богов, культ которых распространялся на значительных территориях.

Бог племени считался отцом своего народа, кормильцем и защитником; в битвах он был вождем, а в празднествах загробного мира — хозяином. Земному властителю, королю, надлежало, по понятиям кельтов, во всех отношениях следовать примеру бога: у него не должно было быть физических недостатков и царствованием своим он обязан был нести народу правду, благополучие, мудрость правления.

Супруга бога считалась матерью племени, попечительницей плодородности людей и животных, охранительницей земель. Если племя, ведомое богом, покидало родные места, богиня-мать оставалась оберегать их и обращала против вновь пришедших свои волшебные чары, представляя пред ними то в сиянии божественной красоты, то в ужасающе

уродливом обличье. И тем, кто желал обосноваться на охраняемом ею месте, следовало либо умолюбить, либо уничтожить ее (кельты не считали, что их боги бессмертны).

Были у кельтов, помимо главных племенных богов, и многочисленные другие божества различного рода, а также духи — хранители священных источников и роц.

Общность религиозных верований, наличие у всех племен могущественной касты жрецов-друидов (чтобы получить в нее доступ, требовался примерно 20-летний искуc), а также общность языка и правовой системы, свойственный всем кельтам интерес к генеалогии, истории, мифологии и поэзии, общепринятая среди них традиция устного обучения — все это объединяло племена, жившие нередко на значительных расстояниях друг от друга, и делало их единым народом, существование которого как определенной этнической единицы устанавливается данными археологии, трудами греческих и римских авторов, позднейшими письменными памятниками самих кельтов, где запечатлен материал их древней устной традиции.

Как выглядели и одевались кельты? Одни из них, например галлы, носили плащи и порты, поскольку обычно ездили верхом; другие, в частности ирландцы, пользовавшиеся колесницами, одевались в туники (длинные рубахи с короткими рукавами) и плащи. Идеал мужской красоты рисовался кельтам в образе высокого, статного воина, светловолосого, голубоглазого, могучего телом и духом. Именно такими изображали кельтов художники их врагов — римляне: неистовыми в бою и гордыми, не скрывающими презрения к победителям — в поражении.

Повесть о кельтах, отдельные моменты которой мы старались обрисовать здесь, — история длинная и довольно запутанная, конец которой еще не написан. Сами древние кельты не стремились письменно запечатлеть свои знания и верования (в торговых и иных делах они пользовались греческим и латинским языками), и устная традиция сохранилась в кельтоязычных районах вплоть до наших дней: здесь и сей-

Фото Ландесмузеум, Штутгарт, ФРГ

Музей национальных древностей, Сен-Жермен-ан-Лэ, Франция. Фото © Бельцо-Зодман

Почитатели лошадей в железном веке

У кельтов лошадь была не просто животным, служившим для перевозки тяжестей или для верховой езды во время охоты, но и животным, которое они связывали с некоторыми из своих богов. Изображение лошадей на кельтских монетах и на всевозможных изделиях из металла, а также их скульптурные изображения свидетельствуют об уважении кельтов к этому животному. Вверху: великолепная бронзовая «культовая повозка» [I—II век до н. э.], обнаруженная в Мериде (Испания), на которой кельтский всадник несется во весь опор за кабаном. Кельтские мастера по металлу нередко изготавливали украшенные орнаментом детали уздечек, подобные изображенной справа. Эта уздечка, найденная на знаменитой стоянке кельтов железного века в местечке Ла Тен (Швейцария), восстановлена и находится в Швейцарском краеведческом музее в Цюрихе. Внизу: созданная изобретательными кельтами жнейка на колесах, зубья которой отрывали спелые колосья по мере ее продвижения. Рисунок на барельефе (II век н. э.), обнаруженном в Бельгии.

Фото Швейц, Ландесмузеум, Цюрих, Швейцария

Рисунок. Городской исторический музей. Кельи, ФРГ

час, как много веков назад, с удовольствием читают наизусть древние повести и баллады, выученные не по книгам, а на слух, от отцов и дедов.

Одним из прекраснейших образцов древнеирландского поэтического творчества является эпос «Угон быка из Куалгне». Сага повествует о споре между королевой Медб и ее мужем Айлилем из-за прекрасного быка — Бурого из Куалгне, о бедах и несчастьях, вызванных этой распрей. Различные варианты саги можно и сейчас услышать в глухих уголках Гебридских островов от людей, даже не подозревающих, что история, которую они так любят, восходит к временам глубочайшей древности.

В эпизодах саги, посвященных центральному персонажу повествования — молодому герою Кухулину, находит отражение кельтский идеал героизма и мужской красоты, о котором мы говорили выше.

Кухулин, сын общекельтского бога Луга и сестры короля Конхобара Дехтире, остудив после жестокого побоища свой боевой пыл в трех чанах с холодной водой, является ко двору Конхобара. Это действительно герой без страха и упрека:

«Поистине прекрасен был юноша, выступивший явить себя, — Кухулин. Три слоя волос было на голове его: у самой кожи — темно-рыжие, в середине — кроваво-красные, а сверху, словно корона, развевались волосы цвета червонного золота. Пылало на шее его яркое ожерелье, сплетенное из сотни нитей, красных и огненно-золотых. Семь лучей ослепительного света сияли в глазах его. Плечи облегла великолепная, бахромой отделанная мантия с пятью складками, скрепленная на белой груди серебряной пряжкой накладного золота, коя, словно светильник ярчайший, источала блеск, невыносимый для глаз человеческих. Шелковая рубаха его оторочена была по краям тесьмой и бахромой из золота, серебра и белой бронзы. Прекрасный темно-пурпурный щит с серебряным бортом нес он, а на левом бедре его висел изукрашенный меч с золотой рукоятью. В колеснице рядом с ним прикреплено было длинное копьё, тускло мерцавшее наконечником, и висел на ремнях с заклепками из белой бронзы острый кинжал. Девять отрубленных голов держал Кухулин в одной руке и десять — в другой и потрясал ими в воздухе».

«Девять голов в одной руке и десять — в другой». Кельты не только обезглавливали своих врагов — они делали отрубленные головы предметом поклонения. Обычай этот был широко распространен, можно даже, пожалуй, сказать, что отсеченная голова является своего рода символом языческой религии кельтов (как крест — символ христианства).

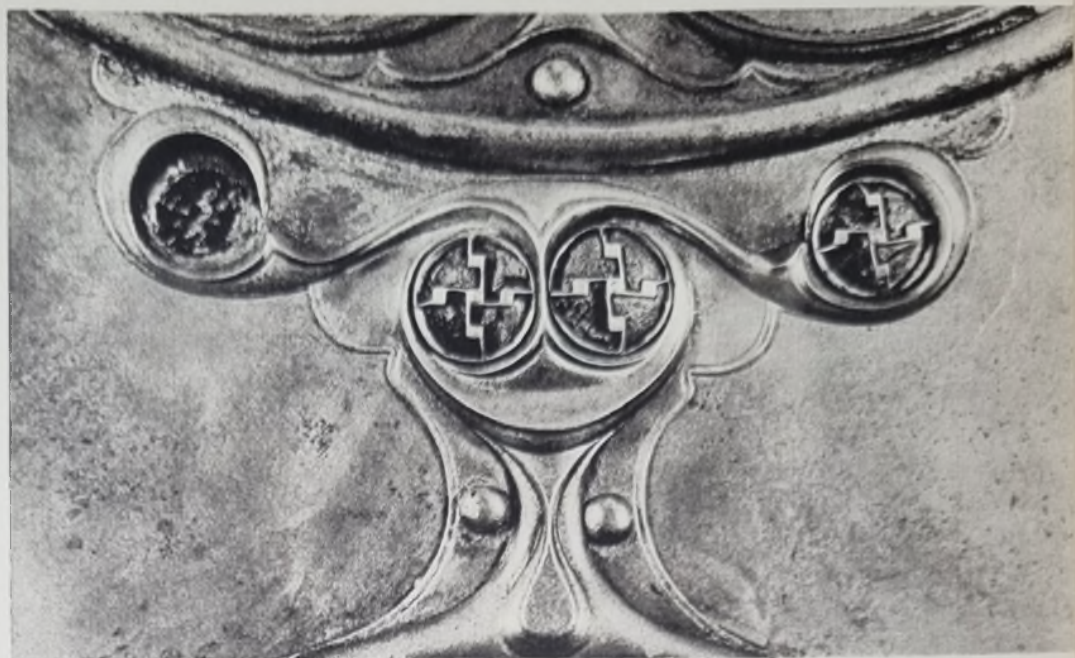
В одном из сказаний валлийского «Мабиногиона» — о гиганте Бране — говорится, что голова Браны, отсеченная от тела по его собственной просьбе, продолжала жить и была добрым товарищем и распорядителем на пирах в «мире ином», раздавала богам яства и напитки.

Ирландская литература обрела письменную форму раньше, чем литература Уэльса. Произошло это под воздействием христианской церкви, местные, ирландские служители которой, хотя и весьма ревностные в исполнении религиозного долга, отнюдь не чурались наследия своего

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 16

Фото © Дж. В. С. Мегоу, Лейчестер, Англия

МАСТЕРА ПО МЕТАЛЛУ

Искусные ремесленники и художники по бронзе и железу, кельты создавали из этих металлов великолепные предметы повседневного обихода. Слева (вверху): относящийся к I веку н. э. бронзовый щит (его длина — 77 см), инкрустированный стеклянными бусами. Он был извлечен из Темзы в Лондоне. Вверху изображена деталь щита, на которой видны украшения из красного стекла. Для их создания необходимо было в совершенстве владеть сложными способами обработки металла. По-видимому, этот щит использовался лишь во время торжественных церемоний, а не в настоящем бою.

Справа: бронзовый шлем (I век до н. э.); расстояние между кончиками рогов — 42 см. Шлем также найден в Темзе; возможно, он украшал некогда кельтскую гробницу на берегу Темзы.

Справа (внизу): выполненная из бронзы и железа псалля (булавка) от кельтской уздечки. Она была найдена в ФРГ, вблизи Гейденграбена — как полагают, самого большого кельтского города-крепости в Германии. Внизу: голова, венчающая булавку. Инкрустация, украшавшая глаза, утрачена.

Фото © Британский музей, Лондон

Фото © Дж. В. С. Мегоу, Лейчестер, Англия

Фото Мир форм © Галлмар, Перик

народа, уважали кельтский язык и кельтские традиции. Именно поэтому ирландская и валлийская литературы, древнейшие среди литератур той части Европы, что лежит севернее Альп, столь насыщены языческими темами и образами: христианские хронисты, облакавшие в письменную форму эпическое наследие своих народов, чтити устную традицию и перекладывали лишь те места, которые слишком уж явно отдавали язычеством.

О том, как ухитрялись ирландские христиане приспособлять языческое прошлое к своим христианским верованиям, прекрасно говорят слова одного из тех, кто письменно запечатлел величественную кельтскую эпопею «Угон быка из Куалгне». Свое повествование он кончает так:

«Да будет благословен каждый, кто верно запомнит эту повесть так, как она записана здесь, и не станет ничего добавлять к ней. Но я, записавший эту повесть, или, скорее, сказку, ничуть не верю всему тому, о чем в ней говорится. Ибо некоторые рассказанные здесь вещи суть козни бесовские, а другие — вольность и вымысел поэтический; есть здесь правдоподобное, а есть и невероятное, а еще больше такого, что придумано с целью усладить глупцов».

Борей Музей, Марсель. Фото © Ларос-Жирандо. Париж

К истории кельтского языка

Кельтские языки представляют собой одну из групп большой семьи индоевропейских языков, возникшей, по мнению современных специалистов, где-то между Балканами и Черным морем. По неясным для нас причинам — возможно, не последнюю роль среди них сыграли экологические факторы, а также набеги соседних племен — началось великое расселение этих народов. Филологи относят это событие примерно к 2300 г. до н. э.

Расселение шло широким потоком и захватило всю Европу, исключая народы угрофинской группы языков (финский, венгерский и эстонский) и баскского языка. Когда-то единый язык при этом распался, образовав со временем ряд самостоятельных европейских языков позднейшей исторической эпохи. На востоке самым крайним представителем индоевропейской семьи является древнейший письменный язык Индии — санскрит.

Кельтские языки очень древние. В них, как и в социальной структуре кельтов, сохранился целый ряд архаичных форм.

Насчитываются три группы кельтских языков, точнее, три ветви кельтского языка. Первая и, по-видимому, самая древняя ветвь известна среди лингвистов под названием Q-кельтской, или гаэльской. Из современных к ним принадлежит гаэльский. В гаэльской группе первоначальный индоевропейский звук qʷ сохранился в виде q, который звучит как k, но обозначается латинским c.

На языках этой группы говорили, а позже и писали в Ирландии. В конце V века н. э. он был занесен в Шотландию, хотя не исключено, что он существовал там и раньше. Распространился он также на острове Мэн (в Ирландском море, между Ирландией и Англией), где им и поныне пользуются представители старшего поколения.

Следы кельтских языков можно наблюдать и на континенте, но здесь встречается в основном вторая ветвь, а именно P-кельтская, она же бретонская, или бриттская. Этот язык и был основным кельтским языком на Европейском континенте и Британии, пока он не был постепенно вытеснен англосаксами, заселившими в V—VI веках н. э. нынешнюю территорию Англии. Сохранился он лишь в Уэльсе и Корнуолле, а в конце V века он вновь был занесен из этих мест в Бретань.

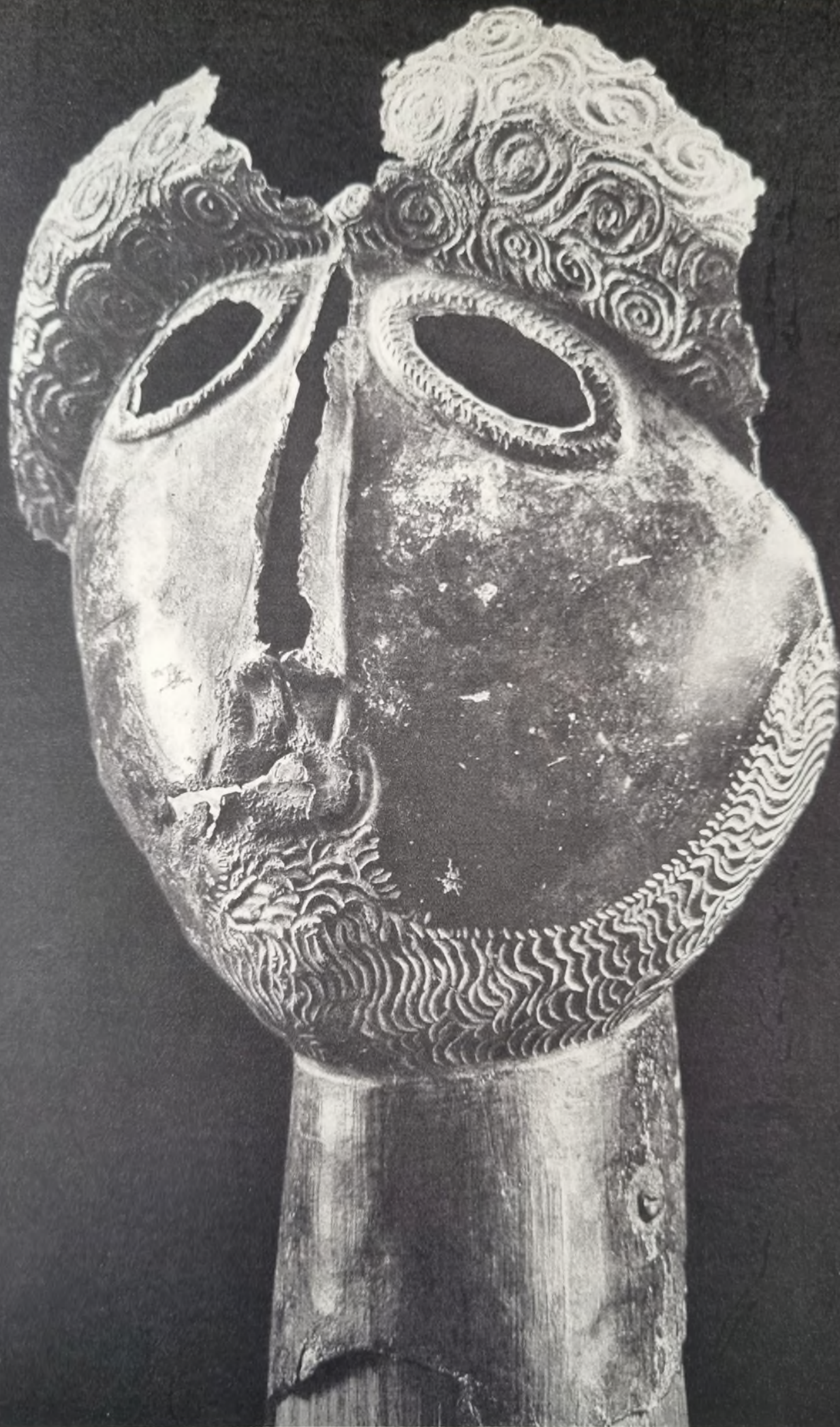
Свое название P-кельтская ветвь получила потому, что звук k первой ветви здесь трансформировался в p. Так, в гаэльском слово «голова» обозначается словом *ceud* (в современном гаэльском *ceann*), а в бретонском словом *repp*. В гаэльском слово «сын» соответствует *mac*, а в бретонском *tar* или *ar*.

Третью и самую загадочную ветвь принято называть пиктской. Пикты — это таинственные кельтские племена, которые — во всяком случае, в исторически обозримые времена — обитали в Шотландии к северу от перешейка Форт-Клайд. Их язык известен нам лишь по выбитым на камне надписям, где кельтский элемент отчетливо различим. Однако эти надписи, как и вообще пиктская культура и их сугубо своеобразный стиль в искусстве (хотя и несомненно кельтский), не дают пока возможности разрешить проблему пиктов, которая остается предметом жарких споров среди ученых всего мира.

Э. РОСС

Сохранившийся портик святилища. В нишах — черепа, удивительная особенность знаменитого кельтского религиозного святилища в Рокпертюэ (близ Марселя), построенного в III веке до н. э. Они подтверждают «культ головы» и встречающиеся у античных авторов сообщения о том, что кельты обезглавливали своих врагов и хранили их головы.

Эта поразительная маска из листовой бронзы со спиралью завитыми волосами, бородой в виде S-образных линий и овальными глазницами, вероятно, некогда микроструированными цветным стеклом или эмалью, была найдена в Пиренеях. Она датируется III веком до н. э. и, возможно, представляет собой некое кельтское божество. Маска заканчивается полой цилиндрической шеей — так что ее можно было надеть на деревянную рукоять.

ТРИ ЛИКА ЖЕНЩИНЫ

Жан Маркаль

На протяжении веков при любом общественном строе взаимоотношения мужчины и женщины и их различные роли в обществе определялись обычаями и традициями каждого народа. Кельты — древние галлы, ирландцы и бритты, населявшие Британию, от которых произошли валлийцы, и бретонцы Арморики (Бретани) — не отличались по структуре общества от других индоевропейских народов. У них господствовал патриархальный строй и, следовательно, главою в доме был мужчина. Тем не менее при анализе юридических текстов, исторических, литературных и мифологических памятников приходится с удивлением признавать, что у кельтов женщина занимала гораздо более привилегированное положение, чем у некоторых других древних народов, особенно средиземноморских. Однако в брачных обрядах кельтов и древних индийцев существовало глубокое сходство.

У всех средиземноморских народов, и в особенности у греков и

римлян, женщина всегда находилась в подчиненном положении. Кельты же, напротив, признавали за женщиной такие права, о которых не могли и мечтать женщины западноевропейских стран в пуританские XIX и XX века. Причины этой особенности кельтского общества довольно разнообразны, однако главная из них состоит в следующем: кельты, которые примерно в V веке до н. э. вторглись в Западную Европу, были малочисленны, в основном это была военная и интеллектуальная элита; коренное население занятых ими земель было гораздо более многочисленным. Кельты насаждали на захваченных территориях свою культуру, язык, религию и ремесла, но одновременно перенимали у местного населения некоторые обычаи, особенно касавшиеся общения между людьми. Таким образом, истоки совершенно особого положения женщины, которым отличается цивилизация кельтов, следует искать в культуре народов, населявших Западную Европу в глубокой древности.

Особенно поражает относительная независимость кельтской женщины от мужчины. Женщина могла владеть собственностью (домашняя утварь, украшения, скот). Существовавший у кельтов строй допускал наряду с коллективной земельной собственностью владение личной собственностью, которой женщина могла распоряжаться по своему усмотрению, продавая или передавая ее, если ей вздумается, или приобретая новую путем покупки, в качестве оплаты за услуги или подарка. Вы-

ходя замуж, женщина сохраняла право на свою личную собственность и могла получить ее назад в случае расторжения брака.

Институт брака у кельтов был к тому же весьма гибким и состоял в заключении контракта, срок действия которого устанавливался по желанию партнеров. Женщине была предоставлена свобода в выборе супруга, во всяком случае теоретически, так как иногда родители стремились устраивать браки, выгодные им по экономическим или политическим соображениям. Однако даже в этих случаях женщина имела право голоса. В рамках отдельного брака все определялось материальным положением супругов. Если состояние жены было меньше мужа, во всех домашних делах главенствовал муж, не считаясь с мнением жены. Если муж и жена владели одинаковым состоянием, муж не мог вести семейные дела, не советуясь с женой. И наконец, что встречалось крайне редко в брачном законодательстве, в тех случаях, когда состояние жены превосходило состояние ее супруга, она сама управляла делами семьи, даже не спрашивая мнения мужа. В истории и в героических поэмах сохранились необычайно яркие примеры, свидетельствующие о том, в сколь значительной степени женщина умела сохранять известное превосходство и непрерываемое нравственное влияние в рамках патриархального строя.

Примечательно, что, выходя замуж, женщина не становилась членом семьи мужа. Она всегда остава-

ЖАН МАРКАЛЬ (Франция) — известный специалист по кельтской культуре, писатель и создатель радио- и телепередач о кельтах. Его перу принадлежат книги: «Великие валлийские барды» (1956); «Кельты» (1960); «Кельтский эпос в Ирландии» (1971); «Кельтские женщины» (1972); «Кельтские традиции в Бретани времен Арморики» (1975). Вскоре выйдет в свет его последняя книга «Король Артур и кельтское общество».

В прекрасной бронзовой фигуре (стр. 19 и дважды повторенной слева: вид спереди и сзади) кельтский мастер, живший 2000 лет назад, запечатлел пластичность женщины, исполняющей священный танец. Она из обширной коллекции бронзовых изделий, обнаруженной в Нёви-ан-Сюе (Франция). Среди других найденных в этом месте фигур — танцующий мужчина, также обнаженный, музыканты и «жонглер», а также священные животные: олени и кабаны.

Женщины пользовались у кельтов большим почетом, и божества женского рода играли немаловажную роль в их мифологии. Эта женская голова (3) была высечена в Галлии 2000 лет назад. Кельтские скульпторы изображали богинь во многих обликах. На статуэтке высотой 32 см (1) изображена кельтская богиня Эпона, покровительница лошадей. Ее культ был широко распространен в Галлии, а позднее во всей Римской империи, где она считалась покровительницей римской конницы. Кельты верили в магические свойства числа 3. На фото (2) триликое изображение богини-матери: плодородия, деторождения, а иногда и войны, высеченное на каменной стеле, найденной в Бургундии (Франция).

Музей Алезии. Ализе-Сен-Ран, Франция.
Фото © журнал «Археология», Париж

лась членом семьи своих родителей, и тот выкуп, который выплачивал муж за свою жену, служил своего рода компенсацией, выдаваемой ее семье. В случае развода жена возвращалась в родительский дом. Иногда, в частности если муж был чужеземец, образовавшаяся в результате брака семья состояла при семье жены: дети, родившиеся от такого брака, наследовали исключительно по материнской линии. Подобным же образом обстояло дело в королевских фамилиях, где корона иногда передавалась по материнской линии или через дядю с материнской стороны: в ирландской литературе, так же как и в литературе других европейских стран, находившихся под кельтским влиянием, можно найти яркие свидетельства, когда наследниками становились дети сестры правителя. Например, Тристан — герой средневековой легенды кельтского происхождения, — ставший наследником короля Марка, своего дяди с материнской стороны.

Помимо брака, у кельтов существовал своего рода конкубинат, подчинявшийся очень строгим правилам и сохранявшийся в Ирландии долгое время, вплоть до христианства. Мужчина, как женатый, так и холостой, мог взять себе наложницу. Если он был женат, то не мог сделать это без согласия жены; однако в любом случае наложница поселялась в доме мужчины лишь после того, как он заключал с ней контракт.

По контракту наложница и ее семья получали определенное вознаграждение за услуги, которые она должна была выполнять ровно в течение года. По истечении года наложница становилась свободной, если только не заключала нового контракта на такой же срок. Этот довольно странный обычай, который иногда называют «временным браком» или «браком на год», охранял независимость и свободу женщины: она не была предметом, который покупают сегодня, чтобы бросить завтра, а являлась личностью, с которой заключали договор. Если же договор нарушался, наложница могла обратиться к судье, которого она выбирала из числа тех, кто славился своей мудростью: обычно это были друиды, которые, помимо выполнения своих жреческих обязанностей, были настоящими советчиками по правовым вопросам.

Брак, поскольку это был договор, носил довольно временный характер и мог быть расторгнут в любой момент. Иными словами, получить развод было очень легко. Если муж решал бросить жену, ему надо было обосновать свое намерение вескими причинами. Если же таких причин не находилось, то он должен был выплатить большую компенсацию, точно так же как в случае злостного нарушения контракта.

В свою очередь женщина имела право развестись с мужем, если он плохо с ней обращался или же взял

в дом наложницу, которая ей не нравилась. Хорошо известен пример, как один друид хотел взять себе наложницу, против которой возражала его жена: он пытался настоять на своем, но жена заявила, что она с ним разведется; а поскольку большая часть имущества в доме принадлежала жене, это заставило друида задуматься, и он подчинился воле жены, отказавшись от наложницы.

Хотя мужчины чаще проявляли инициативу в расторжении брака, женщины обладали совершенно равными правами в этом отношении, и развод можно было получить почти автоматически путем своего рода двустороннего соглашения. А после того как супружеская пара расходилась, жена имела право забрать с собой не только личное имущество, но и причитающуюся ей часть того, что семья нажила на протяжении совместной жизни. При этом женщина не чувствовала себя униженной ни экономически, ни морально, так как развод никак не связывался с какой-либо виной: просто некий договор терял силу, и развод означал лишь формальное признание подобного положения вещей.

Конечно, проблема детей создавала некоторые затруднения. В принципе считалось, что дети принадлежат к отцовской семье, они были ограждены от возможной несправедливости, поскольку их интересы оберегались в силу семейной солидарности. И они никогда не могли

2

Музей национального древнего искусства,
Сен-Жермен-ан-Ле, Франция
Фото © Роже Айрай, Париж

3

Музей, Бурж, Франция
Фото © Франчески-Зодиак

оказаться брошенными, тем более что в отношении детей существовал особый институт: детей часто отдавали на воспитание в чужие семьи, где их обучали ремеслу, ведению хозяйства, наукам или военному искусству. При этом между детьми и их приемными родителями возникала родственная привязанность, и тем самым рамки семейной жизни значительно раздвигались. Дети могли наследовать имущество как после отца, так и после матери. Наследственные права девочек отнюдь не ущемлялись, хотя мальчикам и отдавалось некоторое предпочтение. Однако с V века до н. э. и до XII века н. э. у кельтских народов, населявших Ирландию, Британию и Арморикку (Бретань), делалось все возможное для того, чтобы охранять достоинство и права женщины, а также ее моральный авторитет. Известны многочисленные примеры того, как женщины, оказавшись у власти, играли большую роль в общественной жизни. Знаменитые британские королевы Боадигея и Картиманда прославились своей мудростью, отвагой и влиянием.

В сущности, особое положение женщины в кельтских обществах — следствие того образа, который создавали себе кельты для этого таинственного существа, одновременно привлекающего и опасного, а к тому же наделенного способностью давать жизнь. Все кельтские — валлийские, ирландские и бретонские — традиции

утверждают величие женщины. В ирландском эпосе, который стали записывать с IX века н. э., создан образ необычайной женщины — королевы Медб, мифической королевы Коннахта, которая, являя собой воплощение царственного величия, наделяла им не только своего мужа, короля Айллиля, но и своих многочисленных любовников. Описания, которые нам дали авторы ирландских сказаний, подтверждаются свидетельствами древнегреческих и древнеримских писателей: их поразили характер галльских женщин, одновременно грозных и пылких, всегда готовых вмешаться в любую ссору, чтобы отстаивать свои права и права своих мужей, бросаясь даже в бой, подобно неистовым фуриям.

От европейской средневековой литературы «артуровского цикла» (по имени ее главного героя — легендарного короля Артура), кельтское происхождение которой не вызывает никаких сомнений, до нас дошли образы женщин, чрезвычайно своеобразных по своему поведению и по той роли, которую они играли. Супруга короля Артура знаменитая королева Гиневра, которую в старых валлийских текстах называют Гуэнхивара, что означает «Белый призрак», является, вероятно, образцом этих женщин, которые буквально воплощали в себе царственность и величие. В сущности, Гиневра всегда была в центре событий при дворе короля Артура. Именно ее красота

и величие побуждали рыцарей короля проявлять смелость и мужество. Разве не признается Ланселот, что все его подвиги проистекают от любви к Гиневре? И чем еще можно объяснить многократные похищения королевы Гиневры таинственными воинами, если не их стремлением приобщиться к Могуществу, которое олицетворяла королева? Королева Гиневра во всех романах о короле Артуре предстает перед нами как центральная фигура королевского двора, как солнце, освещающее своими лучами рыцарей, которые составляют этот двор и которые не могут жить без обращенного на них взора королевы, вознаграждающего их за проявленную доблесть.

Гиневра, как и большинство других героинь кельтских легенд, как бы вобрала в себя черты античной богини солнца. Во всех кельтских языках слово «солнце» женского рода, а «луна» — мужского. «Женщина есть Солнце» — отсюда следует вывод, что в далекой древности кельты или их предки на Европейском континенте поклонялись божеству солнца в образе женщины. Лик этого божества проступает в широкоизвестном персонаже Изольды, супруги короля Марка, героини сказания, обошедшего весь мир, которое повествует об истории ее несчастной любви к племяннику ее мужа — молодому и прекрасному Тристану.

Легенда о Тристане и Изольде — ирландского происхождения. Ее ис-

СКАЗОЧНОЕ ИСКУССТВО
В МЕТАЛЛЕ

Стр. 23

Городской музей, Халлеп, Австрия

Это бронзовое лицо (IV век до н. э.) некогда украшало латенский кувшин. Волшебные продолговатые глаза, тонкие усы и сросшиеся брови передают криволинейным рисунком, характерным для латенского периода кельтского искусства (400–100 годы до н. э.). Это произведение было найдено в кельтском захоронении в Дюррберге (Австрия).

Стр. 24

Птицам отводится большое место в кельтской мифологии: паря над землей, они соприкасаются с потусторонним миром, куда кельты приходят после смерти. На этой культурной повозке — эскорт птиц с изогнутыми шеями и клювами. Выполненная из бронзы, повозка относится к гальштатскому периоду кельтской культуры (700–500 годы до н. э.) и была найдена в Трансильвании (Румыния).

Музей естественной истории, Вена, Австрия

Моравский музей, Брно, Чехословакия

Вверху: фантастическое животное, образующее часть бронзовой оправы (длина — 10,5 см) латенского периода. Найдено в могильнике близ Врно (Чехословакия).

Музей национального древнего искусства Сан-Жермен-ан-Ле, Франция

Стр. 26–27

Внизу: стилизованное человеческое лицо из покрытого бронзой железа (длина — 8,5 см), украсившее одну из деталей колесницы. Это лицо (III век до н. э.) с резкими чертами и большими выпученными глазами — шедевр карикатуры, комический эффект которой усиливает большая бородавка на кончике носа.

Музей естественной истории, Грац, Австрия

Стр. 28

Моравский музей, Брно, Чехословакия. Фото © Эрих Лессинг-Магнум, Париж

В первом железном веке кельты сжигали своих покойников. Среди других предметов, которые клали в могилу около урны с прахом, — миниатюрная культовая повозка, которая должна была символически заменять покойному его прежний экипаж. Эта бронзовая повозка (длина ее — 35 см) относится к VII веку до н. э. и была найдена в одном из захоронений в Штирии (Австрия). Богиня, возвышающаяся над группой воинов, достигает 22,5 см высоты. В манере изображения этой группы сказывается влияние древнегреческого искусства.

Стр. 29

Фото Народный Музей, Любляна, Югославия

Медное ведро с тремя фризами, на которых изображены сцены из повседневной жизни кельтов. Ведро (V век до н. э.) было найдено в Югославии в 1882 году фермером из Ваца. Обширное захоронение в Ваце указывает на то, что здесь находился один из крупных центров кельтской цивилизации гальштатского периода.

Токи можно найти в старинном ирландском сказании, в котором роль женщины у древних кельтов освещена весьма своеобразным образом. Это отнюдь не банальная любовная история. Согласно ирландскому идеалу, описанному в сказании о Диармаиде и Грайне, именно женщина, будь то Грайне или Изольда, заставляет мужчину любить себя. Это она ведет игру, охваченная неистовым желанием бежать с любимым человеком и разделить с ним радость и горе. Дерзновенность женщины, ее бурное стремление втянуть мужчину в любовное приключение дошли до нас в весьма подслащенном варианте: Тристан и Изольда, ничего не подозревая, выпивают приворотное зелье. На самом же деле этот знаменитый волшебный напиток лишь передает несокрушимую и почти сверхчеловеческую волю женщины, которая заставляет мужчину любить, рискуя честью и даже жизнью.

Это замечание чисто литературного свойства приводит нас к кельтской мифологии. Именно здесь представлен истинный образ кельтской женщины. Вновь и вновь в мифах повторяется тема женского величия и независимости, для покорения которых необходима не только сила, но и любовь. Многие ирландские и бретонские легенды повествуют о молодых людях, очутившихся в пустыне и погибающих от жажды. Вдруг появляется безобразная старуха, которая обещает дать им воды, но с условием, что один из них поцелует ее. Все отказываются, кроме одного юноши, обычно самого молодого. Он, преодолевая отвращение, касается губами щеки старухи, и в тот же миг она превращается в прекрасную девушку, которая говорит ему: «Я могущественная принцесса. Своим поцелуем ты завоевал мое сердце». Этот сюжет можно встретить в сказаниях многих народов, но у кельтов он приобрел особый оттенок, который отнюдь не ослабляет его символического значения: могущество, воплощенное в старухе, — это власть, которая почти иссякла. Ее необходимо возродить, но вернуть ей молодость может только юноша. И на почве такого возрождения встает новая эра, несущая королевству гармонию и процветание. В этом суть многочисленных мифологических сказаний, объясняющая и знаменитые поиски чаши Грааля; наиболее примитивная версия этой легенды, проникнутая языческим духом, заключается в следующем: люди страстно ищут священную чашу, наделянную волшебной силой; овладеть ею можно только с помощью женщины, которая является во множестве ликов, непрестанно сопровождая героя во всех его приключениях: она должна помочь ему добиться цели.

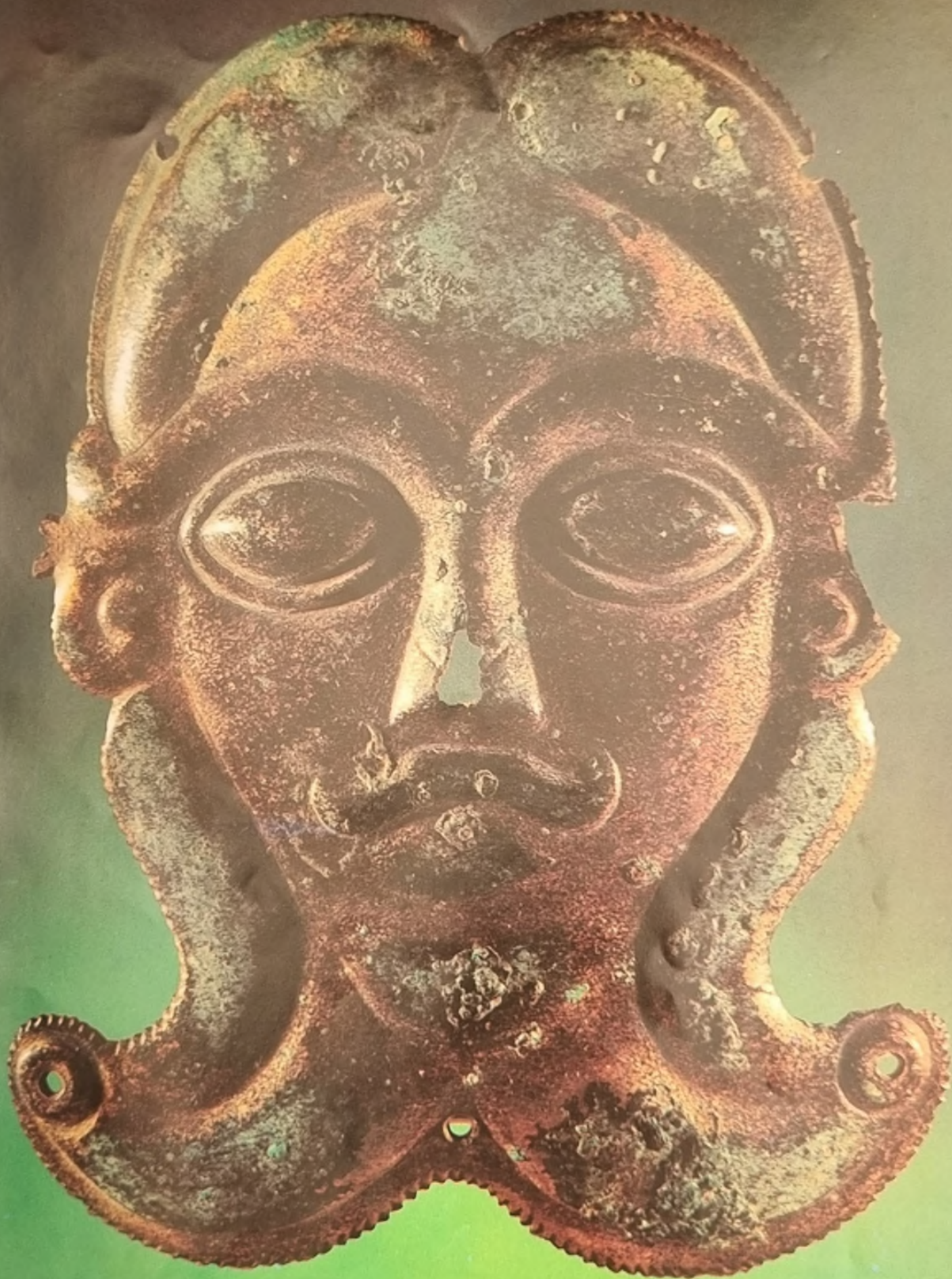
Иными словами, в изображении кельтов, в их мечтах, символически выраженных в легендах, именно Женщина открывала Мужчине новый мир, давала ему второе рождение, вводившее его в мир высших ценностей. Божество или жрица божества,

посланница богов — такой, по-видимому, представлялась женщина воображению кельтов, что свидетельствует о связи ее образа с античным культом всемогущего божества солнца, дарующего человеку тепло и дающего ему возможность выполнить то, что ему предначертано судьбой.

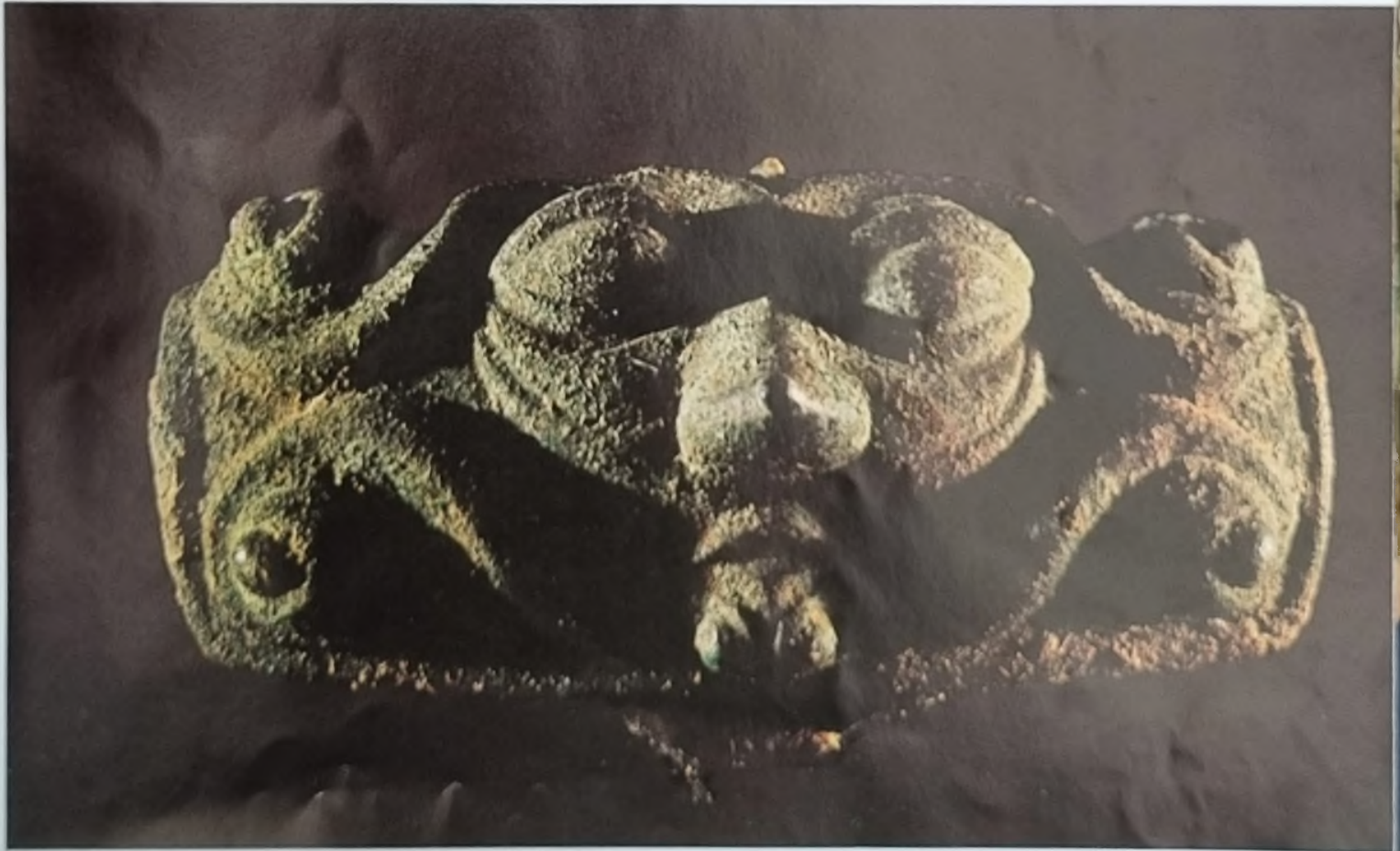
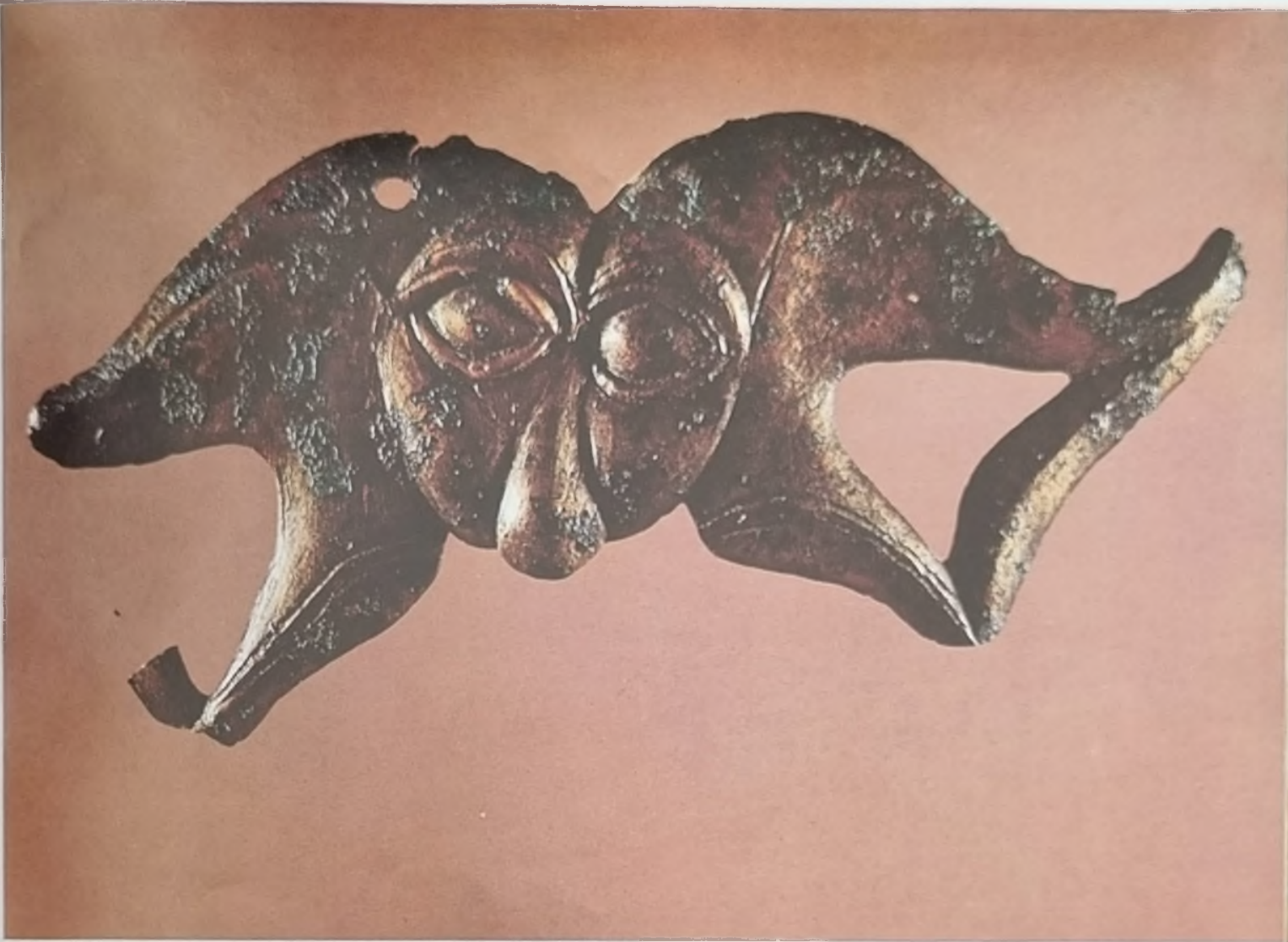
И однако именно вследствие олицетворяемого ею могущества Женщина вызывала у кельтов беспокойство. Они стремились взять над ней верх хотя бы в своем воображении. Старая валлийская легенда, сохранившаяся в сказаниях Мабиногиона, повествует о том, как мужчина старается избавиться от превосходства женщины. История проста, но поучительна: Арианрод, дочь Дона, отказывается признать ребенка, которого она родила от своего брата Гвиддиона, и налагает на этого ребенка тройной запрет. У него не может быть имени, если она не даст ему его сама. У него никогда не будет оружия, если она не даст ему его сама. И наконец, у него никогда не будет жены, принадлежащей к человеческому племени. Символически это означает отказ от материнства со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями: без матери ребенок как бы не имеет права на существование, превращается в ничто. Только при участии матери ребенок может стать полноправным членом общества. Как видно из легенды, роль матери в социальной системе тех времен была исключительно важной. Однако Гвиддион решил бороться против этого тройного запрета. С помощью своего дяди Мата, владеющего тайнами волшебства, настоящего друида-колдуна, ему удается заставить Арианрод произнести имя, которое будет носить его сын: Ллью Ллау Гиффс, что означает «Мальчи с твердой рукой». Опять-таки с помощью волшебства Гвиддиону и Ллью, переодетым и ставшим неузнаваемыми, удается получить оружие из рук самой Арианрод. Наконец, Гвиддион и Мат с помощью талисманов и песнопений буквально «изготавливают» женщину из цветов и трав, собранных на холме. Они назвали ее Блодьвед, что означает «Рожденная из цветов». Она становится женой Ллью.

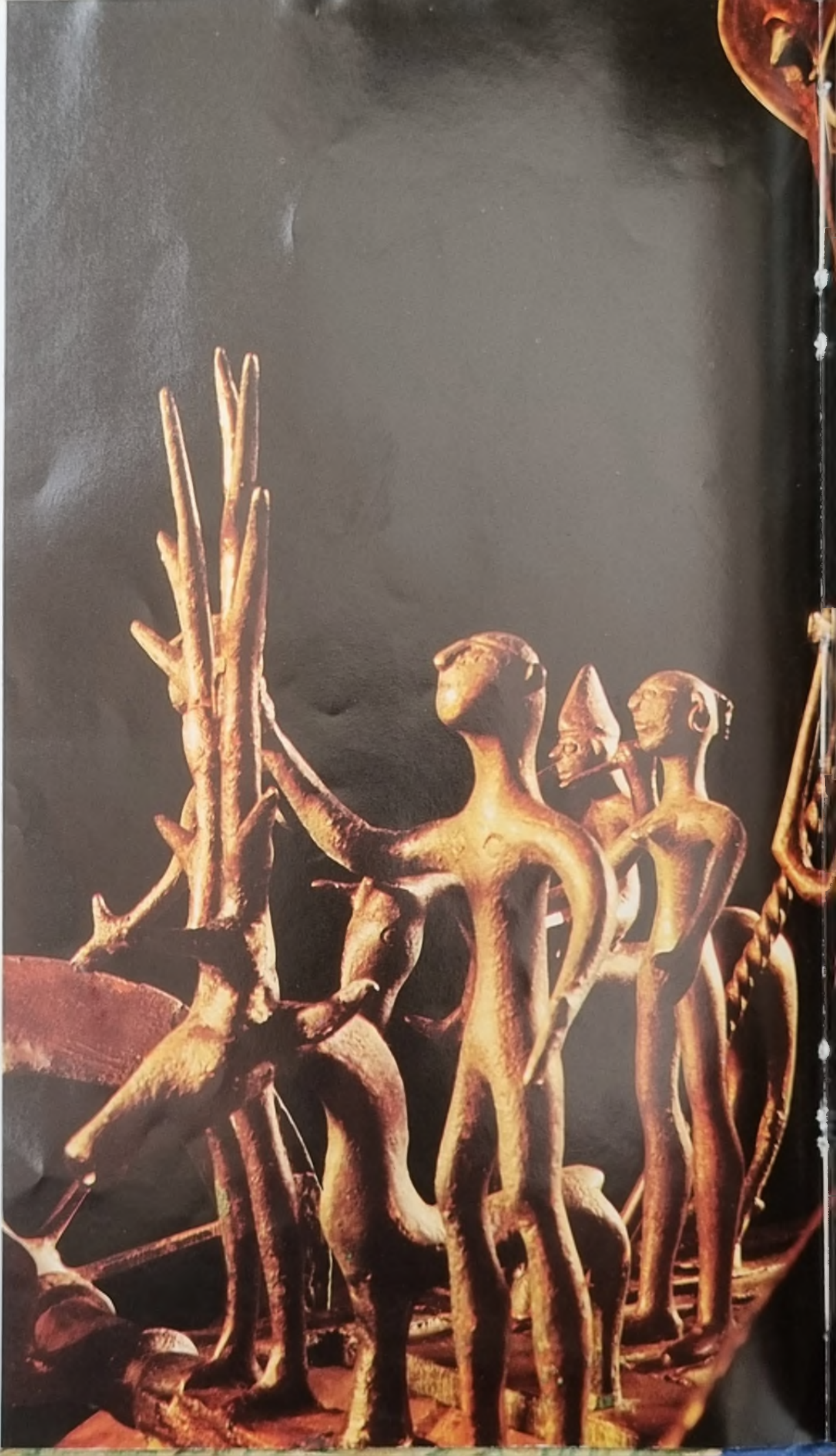
Но здесь-то отцовское и мужское могущество Гвиддиона встречает противодействие. Блодьвед выходит замуж за Ллью, но, встретив юношу, в которого она влюбляется, нарушает супружеский долг, убивает Ллью и убегает со своим возлюбленным. Последняя часть легенды целиком посвящена мести Гвиддиона: ему удается оживить своего сына и заставить его убить любовника Блодьвед, после того как тот отрекся от нее. Затем он начинает преследовать Блодьвед. Но она творение самого Гвиддиона: порождена его разумом. Поэтому он не может ее уничтожить, не уничтожив при этом и самого себя. В сущности, ему изменило его собственное создание. Этот бунт Девушки-Цвет-

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 31

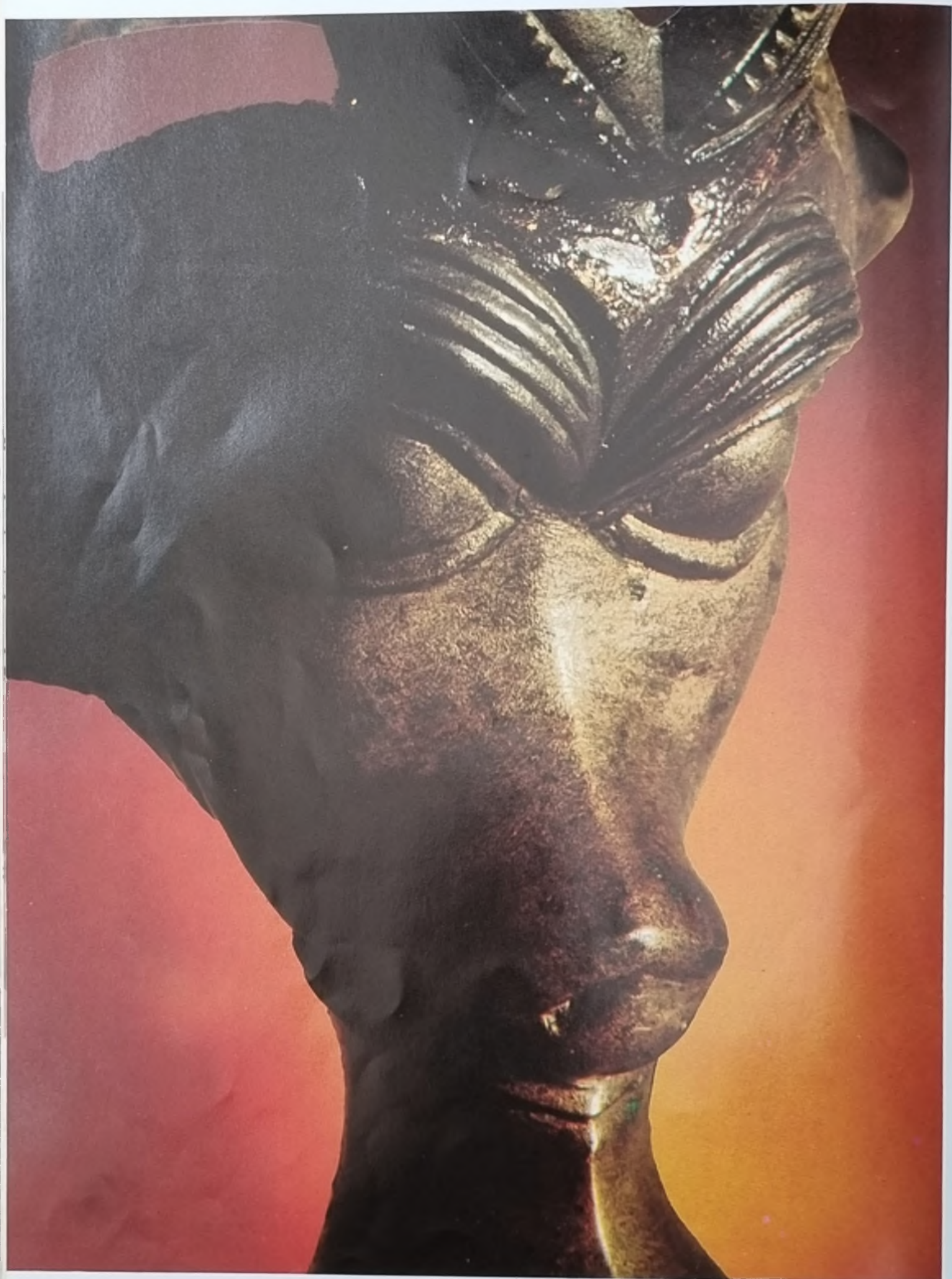

КЕЛЬТСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Ирландия, не зная римского владычества, стойко хранит культурное наследие своих кельтских предков. Нить преемственности не оборвалась, даже когда христианство окончательно вытеснило языческие религиозные традиции. Ирландские монахи записывали произведения национального фольклора, и таким образом создавалась древнейшая в Европе после греческой и римской письменная литература. Традиционное кельтское искусство процветало в Ирландии и в средние века. Блестящий образец кельтского искусства эпохи христианства — «Книга из Келлса» — огромный (33×24 см) иллюминированный манускрипт Евангелия, написанного в конце VIII или в начале IX в. на толстом глянцево пергаменте. На фото слева: символ св. Марка — увеличенная деталь заглавной страницы Евангелия от Марка. Начальные слова каждого Евангелия занимают целую страницу. Они богато украшены характерным кельтским S-образным орнаментом, стилизованными изображениями птиц, животных и фантастических чудовищ. В «Книге из Келлса» было 730 страниц, 670 из них уцелело и хранится в Тринити-колледж (Дублин, Ирландия).

ка — невыносимое попрание мужского авторитета, и Гвиддион, чтобы сохранить свое достоинство, обязан покарать виновную. Не имея возможности совершенно уничтожить девушку, он превращает ее в жабу и выдворяет в ночь. Символически эта мечь мужчины состоит в том, чтобы убрать женщину с глаз, свергнуть ее во мрак, внушив ей при этом чувство глубокой вины и отверженности.

Итак, легенда о Девушке-Цветке, которая надеялась выйти из повиновения отцу, которая отказалась быть Женщиной-Предметом, которая претендовала на право быть свободной и по собственному выбору без принуждения отдать себя любимому, — эта легенда заканчивается поражением. Создается впечатление, что такой конец точно отражает реальные события, происходившие не только в кельтском, но и в других, более поздних обществах. Женщина всегда пыталась сбросить с себя мужское иго и стать независимой. Но мужчина всегда настаивал на своем праве распоряжаться судьбой женщины, и, поскольку он не мог обходиться без нее как матери, жены или любовницы, он старался подчинить ее себе тем, что налагал на нее устрашающие запреты, якобы порожденные ее греховностью. Судя по содержанию мифов, кельты, по-видимому, были в полной мере способны к социальному анализу своего строя. И в своих сказаниях они как бы сожалеют о прошедших временах, когда роль женщины в жизни общества была гораздо более значительной.

Но вопреки всему эта женщина, отверженная, нисторгнутая во мрак небытия, не мертва: она продолжает жить, оставаясь все такой же прекрасной и таинственной, как прежде, всегда готовая вновь выйти на белый свет, то есть возродиться духовно. Еще одна кельтская легенда — о городе Из¹ (особенно широко известная в Бретани) — подтверждает необычайное постоянство, с которым античный образ женщины выступает из глубин памяти. Героиня сказания — Дахуд, что означает «Добрая волшебница», и это само по себе показательно. Она дочь короля Корнуолла Градлона. Дахуд построила себе на берегу моря, точнее, на самой отмели, прекрасный город, защищенный от моря большой плотинной. Но, как сообщает легенда, дошедшая до нас в очень пригласенном виде, королева ведет весьма рассеянную образ жизни. Осужденная богом и людьми, вероятно за то, что безраздельно владея своим городом, она попирает патриархальные законы, Дахуд обречена на гибель, а вместе с нею и весь город. Внезапно набе-

жавшая высокая волна затопляет город Из, но Дахуд продолжает жить в своем прекрасном дворце на дне моря и выжидает подходящего момента, чтобы вновь выйти на поверхность. И тогда город Из вновь станет самым красивым и богатым городом на свете. В этой легенде снова можно узреть тот же скрытый в ней символ: независимость женщины поглощена пучиной вод, брошена во мрак небытия. Но когда она вновь появится в ярком свете дня, в мире наступит согласие, будет обретен потерянный рай, где царствует Женщина-Солнце, всемогущая и вечная, та, что дает жизнь и дарует любовное опьянение.

Именно поэтому в богатом наследии кельтских легенд так часто можно встретить сказания о чудесных приключениях героев, отправляющихся на поиск женщины во всех ее обличьях и в самых неожиданных образах. Где-то в океане, в той стороне, где заходит солнце, есть прекрасная страна, которую называют островом Авалон, что означает «Остров яблонь». Там растут деревья, приносящие плоды круглый год, там не знают болезней и смерти. На этом острове царят красота, согласие, яркие краски, богатство и плодородие, и населен он женщинами. Это те самые женщины, феи, древние богини, ожидающие героев, которые готовы отважно пуститься в самые безумные авантюры. И мужчины, после того как они низвергли женщин во мрак, тратят всю свою жизнь на поиски этой Страны фей, ибо они знают, что смогут добиться счастья только в том случае, если вновь обретут свою первоизданную чистоту, чистоту потерянного рая. Все приключения, описываемые в кельтских легендах, всегда заканчиваются у берегов Острова женщин. ■

¹ Слово «из» означает «нижний». Следовательно, город Из — это «Нижний город»

КЕЛЬТСКОЕ ИСКУССТВО

Кельтское искусство по своему значению и самобытности — одно из выдающихся явлений художественного развития в истории человечества.

Пользуясь определением «кельтское искусство», не следует повторять ошибок, допущенных в XIX веке, когда впервые были открыты образцы этого уникального по форме искусства, которое до тех пор либо не было известно, либо незаслуженно игнорировалось учеными. С ошибочными концепциями можно столкнуться и в ряде последних изданий, где кельтам приписываются некоторые памятники мегалита, возникшие за несколько тысячелетий до появления кельтов.

Некоторые специалисты считают народы бронзового века (первая половина второго тысячелетия до н. э.) протокельтами, другие утверждают, что появление кельтов совпадает с зарождением культур эпохи железного века. Большинство ученых, однако, сходятся на том, что подлинно кельтский период относится ко второму железному веку.

Однако этот период богат такими изменениями, что справедливо возникает вопрос: вызваны ли эти изменения развитием одной культуры или же они результат воздействия внешних факторов и культур различных народов.

Второй железный век, или, как его

называют, латенская эпоха (по месту археологических раскопок в Швейцарии, проведенных немногим более 100 лет назад), на основании археологических находок делится на три периода.

Латенское искусство не возникло само по себе. Своим развитием оно обязано более ранним культурам, существовавшим на обширных территориях, заселяемых кельтскими племенами, а также тем контактам, гораздо более широким, чем это было принято считать, которые кельты имели с так называемыми античными цивилизациями и с культурой скифских племен. Однако следует отметить, что в латенском искусстве почти нет следов влияния искусства первого железного века.

Иногда утверждают, что между гальштатской культурой (названной так по месту раскопок кельтского поселения в Австрии, см. стр. 12) и латенской культурой нет ничего общего. Если говорить об искусстве, то, действительно, здесь нет прямой преемственности. Для искусства первого железного века характерны прямые линии и геометрический рисунок, тогда как в подлинно кельтском искусстве преобладает криволинейный рисунок.

Если мы рассмотрим образцы искусства, о которых идет речь, то увидим, что в основном это предметы быта: оружие, драгоценности, кера-

Рене Жофруа

Кельты любили красивые вещи и не жалели труда и умения на изготовление кухонной посуды, украшая ее сложнейшим орнаментом. Часто они заново отделявали чужеземные изделия, если те, на их взгляд, были недостаточно пышно украшены. Эту деревянную чашу (внизу) кельтские чеканщики покрыли ажурным узором из листового золота. Кельты, жившие в долине Рейна, где была найдена чаша, были непревзойденными мастерами чеканки по металлу. На стр. 33 в увеличенном виде даны детали двух золотых шейных гривен — случайная находка бульдозериста в Эрстфельде (Швейцария) в 1962 г. Датированные, как и чаша, IV веком до н. э., эти изделия поражают буйной фантазией их создателя. На детали слева — две причудливые фигуры полуживотного-получеловека, сросшиеся как сиваские близнецы. На детали справа — диковинное существо с огромными глазами, курносый носом и изогнутыми рогами.

РЕНЕ ЖОФРУА (Франция) — главный хранитель Музея национального древнего искусства в Сен-Жермен-ан-Ла, автор ряда печатных работ по археологии. Производил раскопки стоянок первобытного человека на территории Франции. Наиболее известен археологическими изысканиями в Мон-Лассуа (восточная Франция). Здесь им было открыто захоронение кельтской принцессы, содержащее богатейшую коллекцию предметов греко-римского происхождения.

мическая посуда — и почти все они украшены орнаментом. Кроме отдельных образцов скульптуры, найденных на юге Франции и в долине Рейна, практически ничего не известно об архитектуре кельтов по той простой причине, что эти народы строили свои жилища не из камня, а из дерева и глины и они, разумеется, не сохранились.

Однако попытаемся хронологически определить границы различных стилей, сменявших один другой на протяжении пятисот лет истории кельтского творчества, с тем чтобы из всего этого многообразия восста-

новить более или менее последовательную картину его возникновения и развития.

К середине V века до н. э. в кельтском искусстве уже наметился преобладающий мотив орнаментики, заимствованный у греков. Это пальметта — орнамент в виде стилизованных пальмовых листьев. Кельтская пальметта, однако, отличается от греческой: она упрощена и в то же время перегружена дополнительным орнаментом, что лишает ее присущих ей особенностей.

Для раннего стиля характерна известная скованность, своеобразная

симметрия, обычно характеризуемая как строгость стиля, однако в IV веке начинает ощущаться разнообразие влияний, их смешение и взаимопроникновение, что дает нам вальдальгестеймский стиль по имени места захоронения кельтских вождей, найденного в Германии.

Наряду с геометрическим рисунком, а нередко вплетаясь в него, появляются изображения животных и человека. Однако у кельтских мастеров было свое, отнюдь не реалистическое отражение действительности. Изображениям животных придавалась искаженная форма, они скорее

походила на чудовища. Во всем господствовал сложный переплетенный рисунок.

Чистота линий и строгость стиля уступают место сложному криволинейному рисунку и обилию орнамента. О стремлении к богатству орнаментаки свидетельствуют кубки, вывезенные из Греции; они были найдены на территории Германии. Их владельцы, кельты, явно считали, что кубки недостаточно богато украшены, и покрыли их поверхность золотой фольгой.

О том, что кельтам была знакома техника покрытия предметов золотой фольгой, свидетельствует также деревянная чаша, найденная в Шварценбахе (Бавария), и великолепный кувшин, обнаруженный при раскопках в Эйгенбилъезене (Бельгия). Золотые украшения, шейные гривны и браслеты говорят об удивительном разнообразии стилей.

Недавно найденные в Эрстфельде (Швейцария) многочисленные золотые гривны познакомили нас с новыми образцами кельтского искусства, где богатая фантазия сочетается с удивительным чувством композиции: стилизованные изображения людей переплетались в сложном узоре с такими же деформированными изображениями зверей.

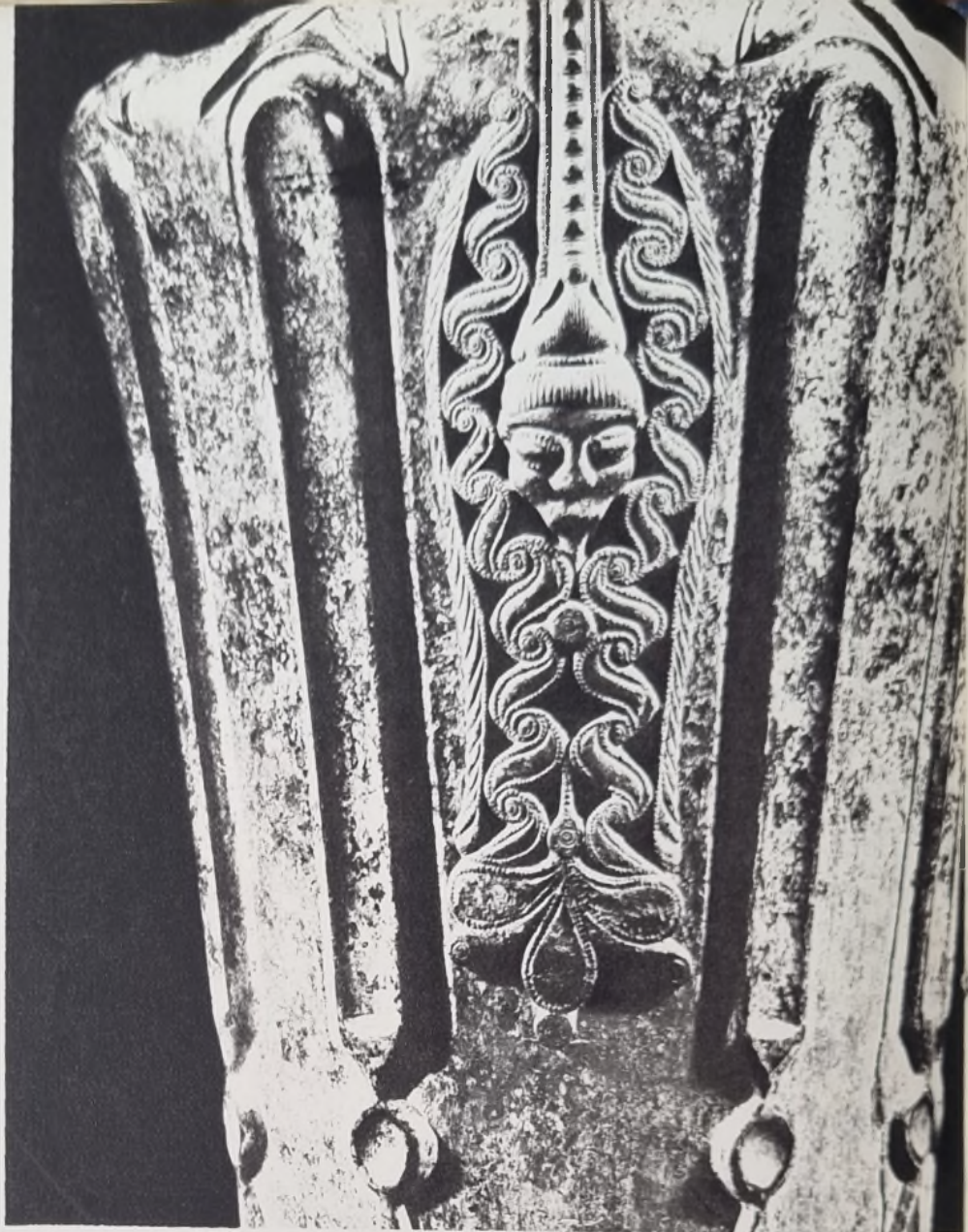
Когда к кельтам попадали греко-римские изделия из металла, особенно столь ценимые ими бронзовые энохойи (кувшины для вина) или ситулы (усеченно-конические ведра), они стремились дополнительно украсить их. На сосуды для вина наносили золотую чеканку, а иногда создавались их копии, превосходящие оригинал.

Близ Дюррнберга (Австрия) был найден кельтский кувшин для вина с фигурным трилистным горлом. Поверхность кувшина украшена листовым орнаментом, основание ручки изображает человеческую голову в рамке из переплетенных S-образных знаков, а края сосуда обрамляют фигурки причудливых зверей.

Замечательные образцы творчества кельтских мастеров, приспособивших античные формы искусства к своим варварским вкусам, являют собой два кувшина, найденные вблизи Меца (Франция). Они богато инкрустированы кораллом и драгоценными металлами, ручка имеет форму диковинного животного, две такие же фигурки обвили края каждого из сосудов.

Использование коралла, материала, не известного античному миру или, возможно, не привлекавшего внимания античных художников, весьма характерно для кельтского искусства. Позднее, когда кораллы Средиземноморья ушли на рынки Дальнего Востока, его заменила красная эмаль, которая остается характерным элементом орнаментаки до конца латенского периода.

Боевые колесницы, небольшие, легкие двухколесные деревянные повозки для упряжки лошадей, украшались *phalerae*, бронзовыми ажур-

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 37

Музей Зальцбурга, Австрия.
 Фото © Эрих Лессинг-Магнум, Париж

Вино и фантазия

Среди своих современников кельты славились большими любителями вина. Через нынешний Марсель и другие порты они ввозили из Средиземноморья греческие вина. «Энохойя» — бронзовый кувшин для вина (справа) — демонстрирует замечательное техническое мастерство и изысканный вкус кельтских умельцев. Этот кувшин (V в. до н. э.) был найден в Дюрриберге (Австрия). Верхняя часть ручки (вверху) сделана в виде странного зверя, пожирающего человеческую голову. Ее нижняя часть (вверху слева) украшена человеческой головой, окруженной характерным S-образным орнаментом. Горло сосуда по краю обрамляют две фигурки загадочных животных со львиными хвостами; головы их вытянуты хоботом с завитушкой на конце, на спине у каждой птичий профиль.

Изгибы и переплетения

Украшения были страстью кельтов, и женщины и мужчин. Кельтские ювелиры владели различными способами обработки металлов. В их продукции отчетливо видна склонность к сложной орнаментике. Наиболее типичное кельтское украшение — «торк», или шейная гривна [1]. Этот торк из сплава золота с серебром был найден в Снеттисхеме (Норфолк, Англия). Он свит из восьми шнуров, а каждый шнур в свою очередь скручен из восьми тончайших проволочек, впаянных в резные наконечники. [2] Ажурная бронзовая подвеска диаметром около 4 см с характерными S-образными мотивами была найдена в Бюсси-ле-Шато (Франция). [3] Деталь золотого браслета (Вальдальгесгейм, ФРГ). Своеобразный стиль изделия с прихотливо и асимметрично извивающимися спиралями орнамента говорит о возможном скифском влиянии. Некоторые специалисты считают, что этот стиль создан одним человеком, «вальдальгесгеймским мастером», жившим в долине Рейна в конце IV в. до н. э. [4] Золотой нарукавник (III в. до н. э.) найден в Орибаке (Франция). Искусной рукой художника создается обманчивое впечатление желудей, бутонов, листьев... На самом же деле узор нарукавника ничего общего с природой не имеет. [6] Бронзовая втулка с колесницы III в. до н. э. (Париж, Франция). Три человеческие маски на этой втулке, возможно, воплощают образ Кухулина, прославленного героя ирландского эпоса в его галльском варианте. [5] Необычная бронзовая брошь из Маветина (Чехословакия) украшена человеческой фигуркой, высота которой — 8,8 см. В углублении на теле человека, возможно, были вкраплены кораллы.

Национальная Библиотека, Париж.
Фото © Бельцо-Зоднак

► ными дисками, свидетельствующими о большом искусстве кельтских мастеров, превращавших тяжелый металл в тонкие листы и кружевную филигрань.

Некоторые могильники в департаменте Марны (Франция), где были захоронены кельтские вожди вместе с их боевыми колесницами, дали богатейший материал. Среди найденных предметов были ажурные треугольные пластины, как предполагается украшавшие концы оглобель колесницы с S-образным орнаментом, повторяющимся сплошным узором в форме лиры и заканчивающимся внизу полоской из палочек коралла.

В ряде могильников были обнаружены конические шлемы из листово́й бронзы, некоторые из них богато украшены врезанным листовым орнаментом или инкрустированы кораллом. Наиболее богатым из них является шлем, найденный близ Амфревиля-сюр-ле-Мон (департамент Кальвадос, Франция). Этот бронзовый головной убор украшен впаянным золотым обручем с тисненными трилистниками из тонких спиральных линий, узором, столь характерным для кельтской орнаментики.

Бронзовые украшения, разнообразие браслетов, шейных гривен и фибул также весьма характерны для кельтского искусства.

Браслеты находят в местах как мужских, так и женских захоронений. Они представляют собой прямые или витые полоски металла с гравировкой из параллельных или наклонных линий. Браслеты обычно имеют форму разорванного кольца с закруглениями или утолщениями в виде шишечек на концах или же с наколочниками, позволяющими застегнуть браслет. Иногда браслеты перфорированы. Шейные гривны сделаны из полос металла, обычно бронзы, с различной толщины окончанием, нередко полыми. По наружному краю они расписаны сплошным узором из S-образных знаков и спиралей. Такие гривны служили украшениями для женщин в начале второго железного века, а позднее стали принадлежностью героев и богов. Одна из подобных гривен недавно найдена близ Мали-ле-Камп (Шампань, Франция) и хранится ныне в Национальном музее древнего искусства в Сен-Жермен-ан-Лэ близ Парижа.

Одежду кельты обычно скрепляли фибулами (пряжками), что открывало возможности для самого широкого разнообразия и богатства украшений. Фибулы, найденные в Шампани, сравнительно скромны по форме и рисунку, найденные же в Центральной Европе богато орнаментированы и называются «фибулы-маски». Здесь кельтские художники давали волю воображению, сплетая в один узор причудливые изображения людей и животных, создавая нечто похожее на фантазмагорию, где видения из снов перемежаются с реальностью, натурализм с абстрактными формами. Цефаломорфные изображения носили магическое религиозное значение и

использовались не только в эстетических целях.

Этот мотив часто встречается на украшениях и металлических дисках, что дало повод некоторым историкам-искусствоведам говорить о своеобразном «культе головы» у кельтов.

Отголоски этого культа можно найти также в архитектуре кельтов. Портик святилища, обнаруженный близ Рокпертюза (устье Роны) и находящийся в настоящее время в музее Борей в Марселе, украшен неглубокими нишами, где лежат человеческие черепа. Это редкая находка, ибо, как мы уже говорили, кельты не пользовались прочными строительными материалами и лишь после римских завоеваний начали возводить постройки из камня.

Однако есть все основания считать, что «галлы» — кельты, населявшие Галлию, — были искусны в скульптуре. Цезарь упоминает об их *simulacra* (образах), и это вполне может относиться к скульптуре. Однако во Франции до сих пор не обнаружили ни одной каменной скульптуры, хотя в Германии (близ Пфальцфельда и Хольцгерлингена) были найдены колонны с изображениями человеческих голов.

Многочисленные раскопки могильников на территории бывшей Галлии не дали никаких результатов. Правда, в Провансе, там, где был найден каменный портик, была обнаружена также фигурка двуликого божка, своеобразного Януса, с узкими губами и прямым тонким носом, однако, как известно, Прованс населяли лигурийцы, не относящиеся к кельтским племенам.

Около Мсеке Зехровиче в Чехословакии обнаружено любопытное изображение головы воина с выпуклыми глазами на плоском лице и странными спиралевидными бровями. Скульптурное изображение найдено в ритуальном четырехугольном ограждении. Шейная гривна, украшающая этого странного воина (он хранится в Пражском музее), относится к I веку до н. э. Влияние кельтского оригинального искусства продолжало ощущаться еще значительное время даже после завоевания галлов римлянами, однако изображения каменных и бронзовых идолов находили на территориях, которые считались исключительно галло-римскими. Один из таких примеров — небольшая фигурка из известняка, найденная близ Эффиньё (Франция). Божество украшено ожерельем с характерными «буферными» выступами по краям, на груди у него изображение дикого кабана, а по бокам с одной стороны — глаз, с другой — ухо. Возможно, это бог охоты?

Голова другой скульптуры — божка, найденного в Бурэ, — отлита из двух частей, а тело сделано из листово́й бронзы. Божок изображен сидящим, со скрещенными ногами, которые заканчиваются подобием оленьих копыт, а глаза из эмали создают впечатление пристального взгляда.

3

4

1

КЕЛЬТСКИЕ МОНЕТЫ

10

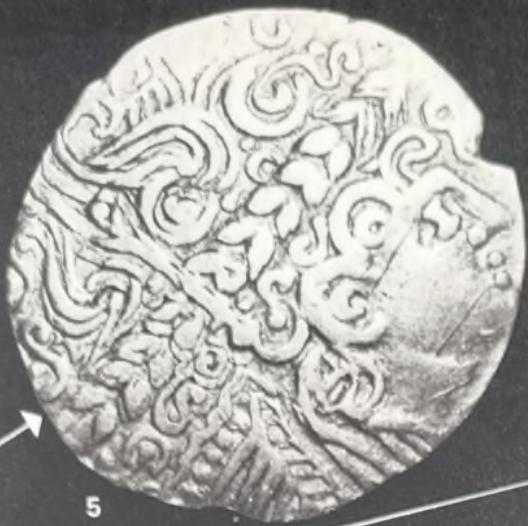
2

11

12

5

7

6

8

9

С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ...

13

Чеканка монет была в свое время несомненным мастерством в кельтском искусстве. Взяв за образец греческие монеты, кельтские чеканщики в скором времени трансформировали классические эллинистические изображения в причудливые образы, порожденные их собственной буйной фантазией. Впрочем, красоту и своеобразие этих монет оценили сравнительно недавно.

...ГОЛОВ

На верхней половине страницы можно видеть, как классическая голова греческого бога на серебряной монете (1) времен Филиппа Македонского (IV в. до н. э.) превратилась у кельтов в скопление извилистых линий и окружностей, то есть в образец вневременного, антиреалистического искусства двухтысячелетней давности. Волосы превратились в спирали (3, 4, 5) или в мясистые листья (7). Голова распадается на мириады осколков (6, 9) или претворяется в иероглифические письмена (8).

...ЛОШАДЕЙ

Монеты в нижней половине страницы показывают, каким образом лошадь — один из любимых мотивов кельтского искусства — из классического изображения на монете 2 (обратная сторона монеты 1) превратилась в шарик, треугольнички, запястье и восклицательные знаки, оторванные ноги и фасолеобразное тело. И снова перед нами пример полуабстрактного (10, 12, 13) и абстрактного (11) искусства, бесконечно далекого от греческой модели.

Но такие образные изображения редки, ибо кельты не придавали божествам человеческие формы. Когда кельты разрушили храмы в Дельфах в 278 году, их вождь Бренн был возмущен человеческим обликом греческих богов. Ему это показалось кощунством, ибо кельты, обожествляя силы природы, всегда изображали их в виде символических знаков и фигур. Поэтому завитки и спирали у кельтов, вполне возможно, означают молнии, а всевозможные трилистники олицетворяют магическое число 3.

Знаменитый серебряный котел Гундеструпа, находящийся в Национальном музее в Копенгагене, вызвал немало споров. Этот большой по размерам сосуд, покрытый снаружи и внутри орнаментированными серебряными пластинами, был найден в торфяном болоте в Дании. Он орнаментирован и сценами из галльской мифологии. Ученые продолжают спорить о возрасте сосуда. Некоторые относят его к I веку до н. э., другие к более позднему времени и считают, что он создан уже в нашу эру (см. стр. 42).

Искусство кельтов полностью проявилось и в чеканке монет (см. стр. 38—39). Первоначально их монеты были копией золотых стетеров Филиппа Македонского (ок. 382—336 гг. до н. э.). На лицевой стороне монеты была изображена голова Аполлона в лавровом венке, на оборотной стороне — «бига», парная колесница, символ Олимпийских игр, в которых колесницы Филиппа одержали победу.

Со временем этот мотив претерпевал изменения, приобретая характерные кельтские черты: завитки волос становились более спиралевидными, локоны щедро переплетались нитями бус и каскадом ниспадали на плечи, глаза увеличались, щедро использовались характерные для кельтов символы и отвлеченная декоративность — спирали, диски, трилистники. Изображения лошадей потеряли реальность, они походили теперь на мифологические существа, иные даже имели человеческие головы; порой вместо лошадей изображались дикие кабаны, птицы, змеи.

Каждое племя имело свой стиль орнаментики, и поэтому изучение кельтских монет представляет известную трудность, ибо расшифровать отдельные священные символы под силу лишь специалистам.

Каждая монета — это образец искусства, сумевшего гармонично сочетать геометрический рисунок с причудливыми фигурами и создать необычайно свободный линейный рисунок. Это двухмерное декоративное искусство.

Несмотря на различие стилей, искусство кельтов оказало влияние на всю Западную Европу, дойдя до Ирландии, не зная римского владычества. Оттуда оно снова вернулось на континент, завезенное сюда в IX веке ирландскими монахами, и в конце концов стало одним из источников романского искусства. ■

Фото Моравский Музей, Брно, Чехословакия

На территории, заселенной когда-то кельтскими племенами, от Венгрии до Ирландии, не раз попадались изображения двуликого Януса. Ученые находят в этом отражении веры кельтов железного века в сверхъестественную способность божества видеть одновременно и потусторонний мир и реальный. Справа: каменная статуэтка Януса высотой в 23 см (II в. до н. э.), найденная в Бадагоми [Венгрия]. Двуликие существа часто использовались в качестве декоративного элемента, как, например, в этой бронзовой подставке (вверху). Она найдена в Маломерксе, в Брно [Чехословакия] и датируется III в. до н. э.

КЕЛЬТЫ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЕВРОПЫ

«**Ч**то же до Иобата, то он, оставив Ирландию после завоевания, описанного выше, обосновался со своим народом на северных островах Греции. Они жили там, пока не размножился значительно их род, познали на островах ведовство друидов и многие искусства и обрели мудрость и совершенные знания. И звали их «туата Де» — «люди богини Дану».

Этот отрывок взят из древнеирландской «Книги нашествий» — своего рода каталога различных племен и народов, ступавших в давние времена на землю Ирландии. В произведении этом, естественно, много мифических элементов, но немало и достоверного, исторического материала. В частности, давняя традиция часто подчеркивает связь Ирландии с Востоком; и данные археологических исследований в Ирландии все в большей мере подтверждают достоверность сведений, содержащихся в древнеирландском кодексе.

Споры вокруг проблемы кельтов отнюдь не новы. Ученые обсуждают этот вопрос в течение целых поколений, но пока он по-прежнему остается не решенным. В 1934 году известный французский археолог Анри Юбер писал по этому поводу:

«Именно здесь, на крайнем западе Европы, на ее островах и полуостро-

вах, сохранились до наших дней живые кельтские языки. Но какое из объяснений этого феномена более верно? В самом деле, почему элементы кельтского образа жизни лучше всего сохранились на западе территории, некогда занятой кельтами, — потому ли, что они укоренились там наиболее прочно, или, наоборот, потому, что были занесены туда сравнительно поздно? И следовательно, в каких местах следует нам искать корни происхождения кельтов, их наиболее чистый этнический тип? Здесь, в самом начале противоречивой и неясной кельтской повести, и лежит исходная точка всех споров».

И споры эти остаются пока безрезультатными. До сих пор основное внимание уделялось кельтам Запада, причем явно за счет их восточных собратьев. Но теперь положение меняется: вновь пробудившийся интерес к проблеме происхождения кельтов, совершенствование научной техники и лингвистических методов исследования побуждают страны Восточной Европы обратиться к изучению своего кельтского прошлого и оценить вклад кельтов в формирование своеобразных местных культур.

В этом смысле поистине неосценимой представляется роль таких научных конференций, как международный симпозиум ЮНЕСКО, прове-

денный в Венгрии в мае 1974 года с целью обсуждения различных проблем истории восточных кельтов. Встречи такого рода собирают специалистов различных дисциплин и отраслей знания, и интенсивный обмен мнениями между ними помогает избрать верное направление поисков, стимулирует деятельность ученых в этой увлекательной области исследований.

Конечно, в основе своей обширный кельтский мир был гомогенным; тем не менее, вполне естественно предположить, что в тех или иных его районах существовали местные различия и особенности. Не случайно поэтому именно на востоке Европы сделаны некоторые весьма примечательные открытия.

Примерно с 400 года до н. э. кельты стали доминирующей силой в том районе Европы, что располагается к северу от Альп — от Франции до Венгрии. И лучшие образцы чеканки по металлу, созданные кельтскими мастерами, обнаружены на востоке этого обширного региона.

Одним из самых поразительных по своим художественным достоинствам произведений кельтского ритуального искусства является серебряный котел, найденный в прошлом веке в Гундеструпе (Дания). Бережно разобранный на отдельные части, он лежал в болотной трясине, куда попал, очевидно, как жертвоприношение богам.

Мастерство, с которым выполнен этот котел, поистине замечательно. Сюжеты изображений посвящены религиозным темам: на внешней стороне котла — изображения различных богов и богинь, на внутренней — сцены из легенд, связанных с соответствующими культурами. На дне котла с внутренней стороны изображено заклание божественного быка — важнейшего культового животного кельтской религии.

Изготовлен был котел где-то между 200—100 годами до н. э. Иконографический материал памятника (изображения на нем фигуры, их аксессуары и т. д.) типичен для общих религиозных воззрений кельтов, и ранее считалось, что котел сделали в Галлии, а на территорию современной Дании его привезли с неясными для нас целями, о которых сейчас мы можем только гадать. И хотя в целом мотивы его декора являются, несомненно, кельтскими, в них присутствует элемент, явно чуждый галльской традиции.

Ученые, в течение многих лет исследовавшие этот великолепный образец прикладного искусства кельтов, в настоящее время окончательно установили, что происходит он отнюдь не из западных районов кельтской Европы; честь его изготовления принадлежит мастерам из восточных областей кельтского мира — уроженцам Дакии или, возможно, Венгрии (во всяком случае, страны, где распространены были те же религиозные концепции, что и у западных кельтов).

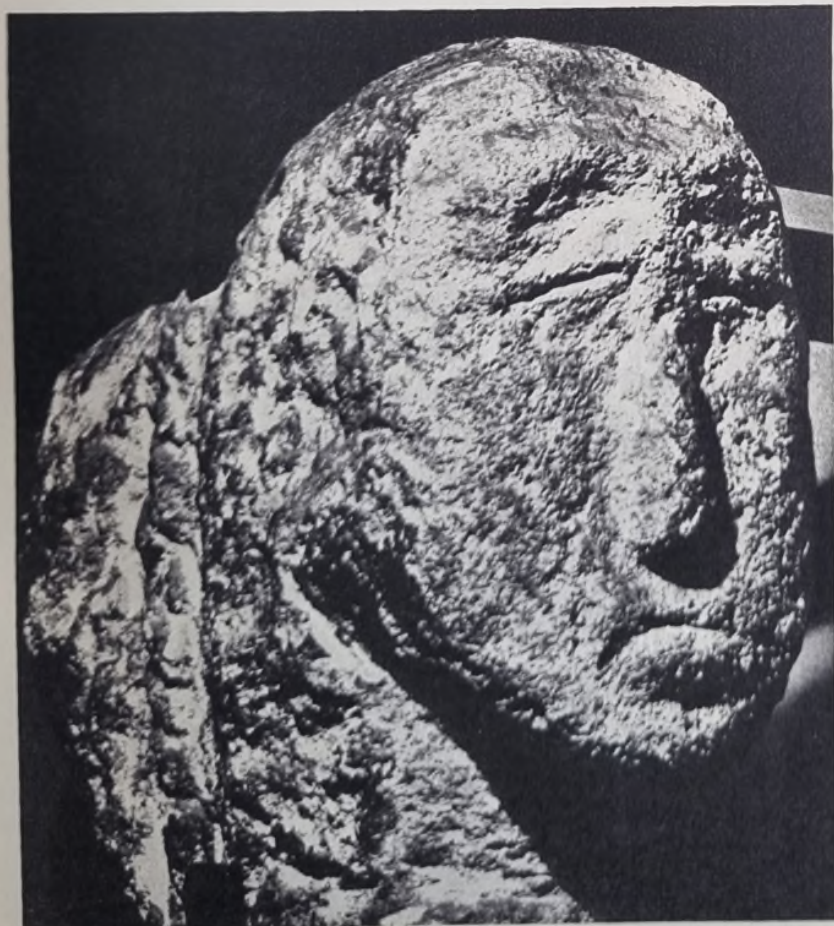

Фото © Геленгер Ференц, Будапешт, Венгрия

Кельтский эпос на серебряном котле

1
Фото Национального музея, Копенгаген

2

Фото © Эрнх Лессинг-Магнум, Париж

42

Фото © Роже Айрай, Париж

3

Фото © Эрнх Лессинг-Магнум, Париж

4

Вряд ли хоть одна из реликвий раннеисторической Европы вызвала столько толкований и споров, сколько знаменитый серебряный котел (1), найденный в 1891 г. в Гундеструпе (Дания). В настоящее время он хранится в Национальном музее в Копенгагене. В течение многих лет считалось, что его вывезли из Галлии. Однако теперь ученые установили, что он был изготовлен в Восточной Европе, возможно в Венгрии, в начале I в. до н. э. Предполагают также, что в Данию он попал как военный трофей, а в торфяное болото был брошен в качестве благодарственного жертвоприношения. Чеканщики обильно украсили сосуд фигурами людей, животных и

Фото © Эрих Лессинг-Магнум, Париж

мифологических чудищ, очевидно иллюстрирующими событие, истинное значение которого пока не вполне ясно. Ученые пытаются истолковать отдельные сцены и идентифицировать персонажи, как, например, человека в рогатом шлеме [5]. Некоторые специалисты усматривают в нем изображение Кухулина, прославленного кельтского героя. На фото 2: фигура с оленьими рогами держит в одной руке шейную гривну, в другой — змею. Возможно, это изображение рогатого кельтского бога Кернуноса. Среди прислуживающих ему животных дельфин, оседланный человеком. На фото 3: божество погружает жертву в сосуд, который иногда называют кельтским «котлом изобилия». Другое божество [фото 4] держит в поднятых руках двух животных, возможно драконов.

Подлинное сокровище прикладного искусства восточных областей кельтского мира составляет и коллекция керамических сосудов из могильных курганов Шопрона (Венгрия). Сосуды датируются концом VII столетия до н. э. и замечательны, конечно, не ценностью материала, из которого выполнены, а своими украшениями: на их поверхности резцом процарапаны фигурки людей и целые сцены, дающие нам сегодня возможность как бы заглянуть в жизнь тех, кто населял давным-давно эти пленительные своей красотой места, где сходились владения кельтов Востока и Запада, где складывался своеобразный художественный стиль их искусства.

Керамика Шопрона показывает нам, как одевались и что делали обитатели Европы эпохи Гальштата, наполняет живым дыханием скучные данные археологии и туманные повествования мифов. На сосудах мы видим изображения сражающихся мужчин, одетых в порты (типичная особенность «варварского» мира) и плащи, ниспадающие свободными складками (такие плащи носили и более поздние, так называемые латенские кельты — то есть кельты того периода, о котором уже имеются исторические свидетельства). Видим мы и женщин в расшитых узорами юбках в форме колокола: они тоже изображены в стычке, причем дерутся они по методу, поистине «освященному временем», — вцепившись друг дружке в волосы! Изображена на сосудах и пара влюбленных — о, как неохотно они расстаются друг с другом... А рядом — кудрявые красавицы в расширяющихся книзу, украшенных маленькими колокольцами платьях, под которыми видны шаровары, похожие на панталоны викторианской эпохи; эти женщины благонравны — сосредоточенно прядут и ткут. Зато другие захвачены буйной стихией танца — они пляшут, самозабвенно раскинув руки (изображение это очень напоминает изящные бронзовые статуэтки из Нёвиан-Сюйе — друидского святилища, относящегося к более поздней — примерно на полтысячи лет — эпохе). Одна из изображенных женщин играет на лире — любимом, по свидетельству классических авторов, музыкальном инструменте кельтов. А другая в туго стянутой на талии колоколообразной юбке и узких шароварах восседает на коне. Видим мы здесь и сцену погребения: тело усопшего валят к могиле на четырехколесной погребальной колеснице.

Ценность этих изображений на сосудах из Шопрона огромна, ибо они восходят к тем отдаленным временам, о которых у нас нет письменных свидетельств, дополняющих данные археологических находок. От этой эпохи, помимо некоторых орудий и фрагментов одежды из соляных копей Гальштата, почти не сохранилось материалов, позволяющих представить, как выглядели и одевались тогдашние кельты. И следовательно, изображения на шопронской керамике очень важны, поскольку они дают нам возможность хотя бы мысленно «облечь плотью» те древние кости, с которыми так неохотно расстается земля.

Влияние кельтов отнюдь не ограничивалось лишь западным побережьем Черного моря. В 278 году до н. э. они проникли и в Малую Азию, где состоялось сильное объединение

▶ кельтских племен — так называемая Галатия. Составляли это объединение три племени выходцев из Северной Галлии: тектосаги, трокмы и толистоаги.

Они сохраняли племенное устройство и свой кельтский язык. Св. Иероним (IV век н. э.) особо отмечает чистоту их кельтской речи. Римский историк Ливий рассказывает о созданных этими племенами укрепленных городищах на вершинах холмов (типичная для кельтов форма селений), а недавние раскопки впервые позволили увидеть остатки таких городищ. Некоторые из галатцев добивались высокого положения, и в I веке до н. э. они пользовались, будучи жрецами, немалой властью при дворе римского императора. Этого могли достичь весьма состоятельные люди.

Но вернемся к тому, с чего начали. Народ, населявший древнюю Арморикю (Бретань), был известен под именем венетов (в основе этого названия лежит ирландское слово «tine», означающее «род», «семья»). На противоположном конце Европы, в плодородных областях на северном побережье Адриатики, обитал другой таинственный народ. Его тоже называли венетами, но классические авторы отмечали, что «адриатические» венеты значительно отличались от кельтов континентальной Европы: они говорили на другом языке, носили иную одежду и «поэты рассказывали о них многие чудесные повествования».

Может быть, этим таинственным народом были так называемые газлы, о происхождении которых ничего не известно (единственные свидетельства о них исходят из древней Ирландии). Такое предположение не лишено известных оснований: ирландцы, например, носили туники (широкие рубахи), а не порты, и говорили на особом диалекте кельтского языка, хотя и родственном бретонскому или галльскому диалектам, но отличном от них. Славился этот народ и своим богатейшим фольклорным наследием — сказаниями и легендами. Примечательно и еще одно обстоятельство (хотя оно, возможно, является и чисто случайным совпадением): особый вид креветок, распространенный в Дублинском заливе, встречается на земном шаре еще только в одном месте — в Венецианском заливе!

Перед теми, кто стремится раскрыть глубоко запрятанные тайны древнего кельтского мира, стоят огромные, но все-таки отнюдь не непреодолимые трудности. Может быть, мы сами осложняем себе задачу, сами прячем от себя путь к истине, сохраняя слепую приверженность к понятию «кельты» вместо того, чтобы попытаться увидеть древних обитателей Европы в качестве некоего единого целого?

Но одно представляется безоговорочно ясным. Дружная совместная работа специалистов различных отраслей знания, а также усиление внимания к археологическому материалу, который дают в наших поисках памятники Восточной Европы, могут не только принести ответ на давние вопросы: «Кто такие кельты?» и «Когда и где совершилась дифференциация двух главных ветвей этого народа?» Они могут дать нам и более глубокое понимание нас самих, того тесного единения, которое сейчас связывает нас как европейцев. ■

Кельты были замечательными мастерами фортификационных сооружений, как в масштабах одного дома, так и целого города. Кельтский город-крепость в Вибракте [Франция] занимал 135 гектаров, в то время как древняя Троя размещалась лишь на двух гектарах. На стр. 45: план кельтского «оппидума», как его называли римляне, в Хейнабурге [ФРГ]. Именно здесь в VI в. до н. э. были заложены основы кельтского градостроения, планировки улиц, жилищ, торговых рядов и ремесленных мастерских. Первоначально поселение было ограждено лишь деревянным частоколом и укрепленным земляным валом. Позже была выстроена кирпичная стена [жирная белая линия в левом углу] и квадратные башни [справа на плане]. На фото справа: бронзовый ключ от ворот кельтского городища в Трисове [Чехословакия, I в. до н. э.].

Фото Национального музея, Прага, Чехословакия

КРЕПОСТИ, ПРОТИВОСТОЯВШИЕ ЮЛИЮ ЦЕЗАРЮ

Вольфганг Ден

ВОЛЬФГАНГ ДЕН (ФРГ) — историк, член Археологического института ФРГ, возглавляет отделение истории первобытного общества в университете Марбурга, член-корреспондент институтов по изучению первобытного общества в Италии и Англии. Опубликовал много работ по истории древних кельтов, главным образом жителей долины Рейна.

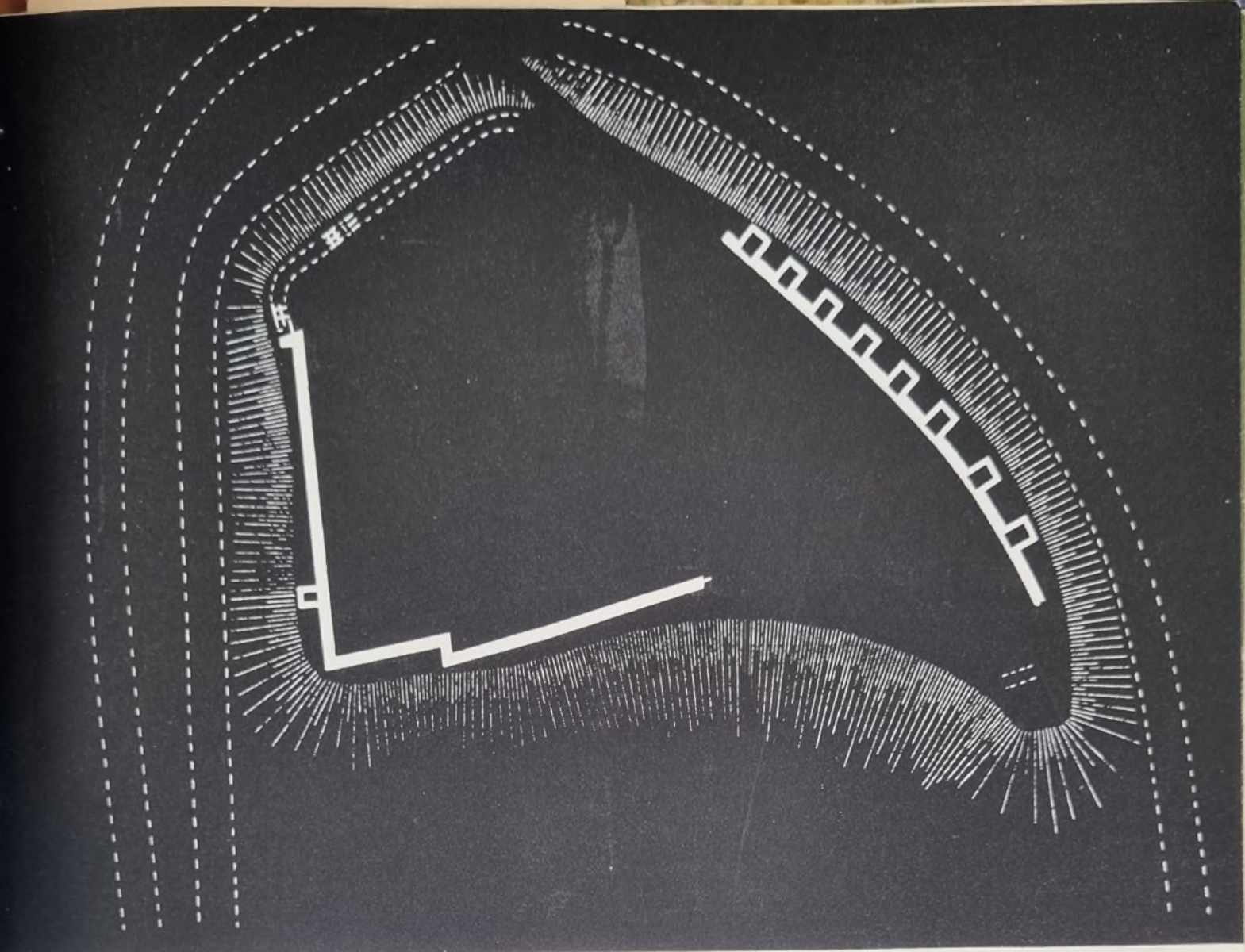

Рисунок. Городской исторический музей, Кельн, ФРГ

Между 58 и 51 годами до н. э. Юлий Цезарь покорил Галлию. В результате Римская империя приобрела одну из своих самых богатых провинций.

Римская Галлия включала в себя территорию современной Франции, Бельгии и Нидерландов вплоть до Рейна, а также Швейцарию. Весь этот район был населен кельтами, которых римляне называли галлами. Однако земли кельтов простирались далеко за пределами Галлии, вклиниваясь в восточную часть Европы.

У кельтов никогда не было единого государства: различными племенами управляли короли, вожди или «благородные». Но все кельты говорили на общем языке и обладали многими сходными чертами в повседневной жизни и обычаях, что не мешало им зачастую вести ожесточенные междоусобные войны. В «Записках о галльской войне» Цезарь неоднократно отмечает важную, с его точки зрения, роль «оппидумов», галльских городов, где его войска могли получить провиант, расположиться на зимние квартиры, а также укрыться при отступлении. В то

же время именно здесь местные племена оказывали наибольшее сопротивление и, следовательно, падение оппидумов или центрального оппидума (крепости) решало судьбу всего племени.

Из записок Цезаря видно, что оппидумы являлись фактически первыми галльскими городами. Цезарь с полным основанием использовал этот латинский термин, обозначающий город, а чаще — укрепленный город. В оппидумах — центрах местных округов и племен — обычно обосновывались правители.

Эти города были также центрами экономической жизни, где ремесленники и торговцы играли ведущую роль (хотя большую часть населения и составляли в них земледельцы, обрабатывающие прилегающие земли, однако по соображениям безопасности жившие в городе). Важную роль играл город и в религиозной жизни — здесь находились капища и священнодействовали жрецы.

Согласно древнему преданию, Цезарь покорил несколько сот галльских городов. Если даже эта цифра несколько и преувеличена, число

городов в Галлии тем не менее было, по-видимому, значительным.

Когда геллеты, спасаясь от германцев, в 58 году до н. э. покинули свою территорию (теперешнюю Швейцарию), они сожгли, по свидетельству Цезаря, 12 городов, 400 деревень и множество отдельных хозяйств, для того чтобы ничто уже не манило их вернуться назад. У племени битуритов было по меньшей мере 20 городов, помимо Аварика (современный Бурж), считавшегося самым красивым городом в Галлии. Эти цифры говорят сами за себя.

Оппидумы, упоминаемые Цезарем, были в большинстве случаев так удачно расположены, что многие из них в период римского государства разрослись и, пережив смуты раннего средневековья, по сей день играют важную роль. Это справедливо в первую очередь в отношении Парижа, который римляне называли «Lutetia Parisiorum», — укрепленного города племени паризиев, расположенного на одном из островов Сены. Из многих других примеров следует упомянуть также Женеvu (Генава), Орлеан (Кенаб) и Амьен (Самарбрий).

Фото © Зерел Фотографи, Кембридж, Англия

Другие города-крепости были покинуты или перенесены на новые места из-за смещения транспортных путей и торговых центров в период римского владычества. Широко известен в этом отношении главный город эдуев Бибракте (на высоте Бёврэ в Морванских горах, Франция). Его жители во время правления римского императора Августа были переселены во вновь построенный город Августодун (теперешний Отен, Франция), расположенный восточнее, в долине Арру.

Единственное, что осталось на месте старого города, — это святилище (ныне часовня), а также анаменитый рынок, где несколько десятилетий назад еще велась торговля.

Картина галльского города становится более четкой при сопоставлении описаний Цезаря с находками археологических исследований. В качестве примера может служить Везонтион (теперешний Безансон), главный город секванов. Он был защищен самой природой: с трех сторон его опоясывала река Ду, а с четвертой — прикрывала высокая гора, которая, как цитадель, возвышалась над городом.

Если смотреть на город с одного из поздних укреплений, расположенного за пределами города, можно легко опознать это место по описаниям Цезаря. Повсюду при раскопках, производимых в центре современного города, выявляются следы кельтско-

го поселения: деревянные строительные балки, обломки глиняной посуды и другая утварь.

Упомянутый нами ранее Бибракте является, пожалуй, лучшим примером подтверждения описаний Цезаря археологическими находками. Вероятно, он был столицей эдуев и самым крупным и богатым из городов района, в котором проживало это племя.

В последний год галльской кампании Цезарь выбрал его для зимнего расквартирования своих войск. Хотя город был расположен на обдуваемом ветрами плато высотой 800 метров, он обеспечивал полководцу удобный подход к речным путям Роны и Соны и к долине Луары.

Раскопки древнего города Вибракте ведутся с XIX века. Эта горная цитадель занимала более 100 гектаров холмистой местности, богатой родниковыми водами. Она была окружена мощной каменной стеной, сооруженной, по кельтскому обычаю, из камня и дерева и защищенной глубоким внешним рвом.

В город можно было попасть через несколько ворот, связанных между собой мощеными путями, вдоль которых стояли жилые дома. Само поселение делилось на несколько кварталов. Вдоль одной улицы было расположено множество простых хижин и мастерских, в которых трудились ремесленники — кузнецы, мастера по бронзе и свинцу, по глазурированной керамике.

В другом квартале находились — на значительном расстоянии друг от друга — более просторные дома, напоминающие по архитектуре греко-римские виллы Средиземноморья. Это был квартал, где селилась знать, — место жительства сословия всадников. В высокой части города и на окружающей ее территории стояли деревянные здания, использовавшиеся под рынки и торговые склады.

Эти здания, а также другие (по видимому, административного назначения) составляли городской центр, служивший, по предположению археологов, своего рода «форумом»: были найдены следы кельтского храма римского периода, который, воз-

можно, был воздвигнут на месте более ранних святилищ. После того как при Августе город был покинут жителями, святилище и рынок продолжали выполнять свои функции вплоть до новых времен.

В общем, раскопки дают пусть во многих отношениях недостаточно полную, но тем не менее весьма впечатляющую картину галльского города. Обнаруженные развалины относятся преимущественно к последней фазе существования города — к периоду между концом галльской кампании Цезаря и реорганизацией галльского общества при Августе в первые годы христианской эры. Это было время, когда потеря кельтами независимости в некоторой степени компенсировалась периодом мира, благополучия и процветания кельтских городов. Однако был ли это период расцвета или последний отсвет уходящей цивилизации?

Судьба Верцингеторига, вождя арвернов, поднявшего восстание против римского господства в Галлии в 52 году до н. э., тесно связана с именем трех городов: Аварик (ныне Бурж) на территории битуригов; Герговия (Жергови, неподалеку от Клермон-Феррана в Оверни) — земля арвернов и Алезия (Ализе-Сен-Рен) в области мандубиев — все три города расположены в центральной Франции. На территории всех этих городов ведутся археологические рас-

НЕПРИСТУПНАЯ КРЕПОСТЬ

На фото слева: огромный каменный кладки форт Дун-Энгус на острове Иннишмор (Ирландия). Расположенный на скале стометровой высоты, круто обрывающейся вниз, он неприступен со стороны моря. От вторжения с суши его ограждают каменные крепостные стены. Кроме того, пространство между наружной стеной и последней внутренней завалено острыми обломками скал. На фото (внизу слева) огромные камни выглядят мелкими пятнышками. Эта романтическая цитадель на вершине скалы занимала вместе с защитными сооружениями 4 гектара.

ЗАГАДОЧНЫЙ ДИСК

На снимке справа: бронзовый диск, происхождение и назначение которого остается пока загадкой. Многие ученые усматривают в нем стилизованное гротескное изображение человеческого лица с выпученными глазами и разинутым ртом. Похожие диски находят в Ирландии. Этот диск, хранящийся ныне в Британском музее, датируют примерно I—II вв. н. э.

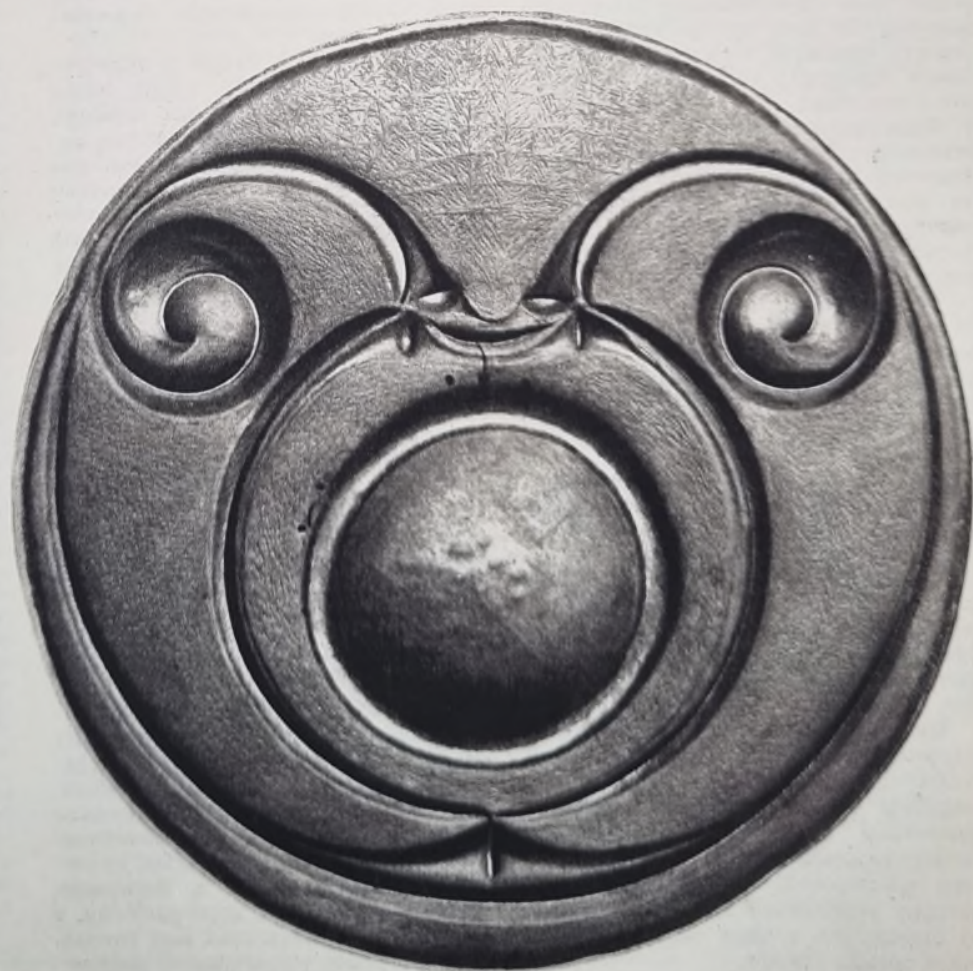

Фото © Британский музей, Лондон

Аварик, согласно описаниям Цезаря, был защищен окружавшими его болотами, а также крепостной стеной, выложенной по галльскому образцу «Murus Gallicus» из горизонтальных бревен, заделанных в сухую каменную кладку без связывающего раствора и дополнительно усиленную с внутренней стороны земляной насыпью. Подобные стены обнаружены во многих кельтских поселениях от Англии до Баварии; в самом Бурже руины этих стен были уничтожены, к сожалению, при возведении более поздних римских и средневековых укреплений.

Более удачно в этом отношении сложилась судьба Герговии и Алезии. В Герговии, население которой во времена римлян было вынуждено переселиться в Августонемет (Клермон-Ферран), тяжелый грунт затрудняет археологические раскопки. В Алезии, известной как место заключительного сражения между Цезарем и Верцингеторигом, были найдены остатки осадных орудий римлян, а также «галльских стен» города; кроме того, было обнаружено множество развалин мастерских, храмов, жилых домов, относящихся к римскому периоду в Алезии. Однако первоначальные кельтские сооружения были погребены под поздними постройками и от них мало что уцелело.

Согласно подробным описаниям географического расположения Алезии, приведенным Цезарем, город стоял на крутом склоне горы, по обеим сторонам которой текут реки; перед ним простиралась широкая равнина. Со всех других сторон местность окружена горами, достигающими примерно такой же высоты, что и сам город.

Если остановиться у подножия огромной статуи Верцингеторига, возведенной на этом месте, и задуматься над той ролью, которую этот город играл в истории, то невольно поразишься точности цезаревских описаний.

Мир кельтов простирался далеко за пределы римской Галлии. Во время похода на Британские острова Цезарь столкнулся с кельтскими племенами, города которых были весьма схожи с городами на континенте.

Однако Цезарь отмечает и некоторые отличия. Относящиеся к до-римскому периоду остатки поселений — ставшие впоследствии римскими городами Камулодунт (Колчестер) и Веруламием (Сент-Олбанс) — не содержат каких-либо черт, обнаруженных в планировках подавляющего большинства галльских городов.

На востоке от Рейна вплоть до Каринтии в Австрии, вдоль Дуная до Будапешта, а также в Богемии и Моравии были обнаружены многочисленные укрепленные поселения позднекельтского периода. По характеру планировки, внешнему виду и системе укреплений их вполне можно причислить к типу галльских городов времен Цезаря.

С 1950 года были получены новые свидетельства из раскопок в районе Манхинг, неподалеку от Ингольштадта в Баварии. Возможно, это был главный город винделиков. Он был покинут во время наступления римских войск через Альпы в 16 и 15 годах до н. э.; в результате этой кампании римляне проложили транзитный путь через Альпы и установили контроль над северными подходами.

Римские власти основали новый город Аугуста Винделикум (Аугсбург) в качестве резиденции своей администрации. Наименование древнего города возле Манхинга неизвестно. Даже строителям римского форта, сооруженного на месте древнего города, оно не было известно, и они называли его по развалинам стены — Валлатум (место, обнесенное стеной).

Планировка этого древнего города типична и весьма схожа с планировкой Аварика. Возведенный на южном берегу Дуная на пути, пролегавшем вдоль реки, среди сплетения множества ручьев, преграждавших подступы к городу, он имел естественную защиту, но главной его защитой была круговая стена, усиленная внешним рвом. Площадь крепости составляла примерно 380 гектаров. В стене имелось четверо ворот, через двое ворот, пересекая город, проходила главная дорога, тянувшаяся вдоль Дуная. Одни ворота открывались прямо на Дунай, несомненно, уже использовавшийся для судоходства; четвертые ворота вели к близлежащему железному руднику, источнику, столь необходимому для местных ремесленников.

Раскопки вдоль стены и археологическое обследование одних ворот выявили три строительных периода, свидетельство полной событий истории поселения до того, как оно было покинуто во втором столетии до н. э. Стена и ворота — сооруженные в форме «щипцов», характерной для того времени, со сближающимися внутренними щеками, чтобы загнать в узкую ловушку, — строились обычно по кельтскому способу из дерева и камня, при этом наиболее древние участки стены были сооружены по методу «Murus Gallicus», описанному Цезарем.

До сего времени центр поселения еще не раскопан полностью, но из того, что уже обследовано, можно заключить, что застраивалась не вся площадь города: достаточно места было оставлено для жителей прилегающих деревень, чтобы в случае опасности укрыться в нем со всем имуществом, и прежде всего со скотом.

Жилища строились вдоль параллельных улиц и отгораживались друг от друга изгородами; основным занятием их поселенцев, по-видимому, было земледелие. Другие соседние дома занимали, вероятно, ремесленники: кожевники, стеклодувы, кузнецы, тележники и т. д. Возможно, ремесленники жили корпорациями, в определенных кварталах или улицах.

Мастерские горшечников, выделыва-

вавших глиняную посуду, типичную для Манхинга, все еще не найдены; они, возможно, размещались за городскими стенами. В центре города открытое пространство могло служить своего рода «форумом» или местом святилища.

При сравнении внутренней планировки древнего города на месте Манхинга с планировкой Вибракте выявляются некоторые несомненные различия. Но в обоих случаях обнаруживается общее стремление к организованному размещению зданий и к разделению города на особые районы. Этот вид ранней планировки города почти наверняка характерен для других больших городов — причем не только Галлии — во времена Цезаря, об этом говорят раскопки древних городов Гразаны (Чехия) и Старе Градиско (Моравия), кварталы которых во всех отношениях сходны с кварталами Манхинга.

Ранняя городская цивилизация кельтского мира во II и I веках до н. э. обнаруживает поразительное единство. Контакты со средиземноморскими культурами содействовали развитию торговли, новой техники, а введение чеканной монеты привело к переходу от примитивной экономики к экономике, основанной на денежном обращении. Эти явления были тесно связаны с ростом поселений.

Вопрос о том, возникли эти контакты на юге Франции или кельтские племена Северной Италии распространили их на племена, проживавшие севернее Альп, — все еще предмет научных споров. Но тот факт, что кельтские города обязаны своим возникновением воздействию римского и эллинистического миров, не подвергается большому сомнению.

У поздних кельтских городов различные судьбы. Многие галльские города были покинуты при римском господстве, когда старое местоположение перестало отвечать требованиям торговли и передвижения; другие сохранились и процветали долгое время после римского периода и средневековья вплоть до новых времен.

В названиях современных городов до сих пор нередко слышатся имена тех кельтских племен, которые их основали: Бурж воскрешает в памяти битуригов; Лангр — лингонов; Мец — медиоматриков; Амьен — амбианов, и т. д.

На востоке от Рейна нет примеров древних кельтских городов, доживших хотя бы до средневековья. По-видимому, в этой части кельтского мира корни городской жизни не проникли так глубоко, как это имело место в римской Галлии. ■

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИКРОБА МИКРОБУСА

Мне очень понравился номер «Микробу от признательной науки» (август 1975). Передайте мои поздравления всей редколлегии. Особенно удивляет, как участвовавшие в создании этого номера почтенные микробиологи сумели объяснить столь сложные проблемы простым языком, понятным каждому человеку. Очень понравились мне также остроумные комические вкладыши «Приключения микроба Микробуса», увлекательные как для молодых, так и для пожилых читателей и служащие надежным проводником в мир микробиологии. Судя по реакции 35 школьников, с которыми я ежедневно общаюсь, «Приключения микроба Микробуса» вызывают у подростков живой интерес.

И. Гобалу
Конде, Реюньон

ИДЕИ ЛАС КАСАСА

Я с интересом прочитал две статьи о Бартоломе де Лас Касасе («Курьер ЮНЕСКО», июль 1975), так как многое, о чем он говорил и что пытался осуществить, имеет непосредственное отношение к нашему времени, особенно все, касающееся свободы и права на человеческое достоинство, и притом не только в Латинской Америке.

Развитие средств массовой информации и возросшие возможности передвижения приводят к быстрому повышению уровня осведомленности даже в самых глухих и самых бедных областях земного шара.

Следующим шагом должно быть четкое определение реальных потребностей и устремлений народов, за которыми должны последовать эффективные действия, направленные на их осуществление. Однако это весьма сложные и delicate проблемы. Может оказаться, что необходимых ресурсов не существует, или, во всяком случае, создается впечатление, что это так. И некоторым из облеченных властью может показаться вовсе нежелательным такое вовлечение во все аспекты жизни широких кругов населения, в котором они усматривают угрозу своему собственному положению.

Поэтому весьма отчаянно, что ООН как организация, объединяющая многие страны, уже в течение некоторого времени усиленно пропагандирует достоинство социального планирования, то есть системы, учитывающей подлинные нужды народов и соответствующим образом использующей имеющиеся ресурсы. Это прекрасно выражено в «единообразном подходе», принятом Институтом изучения социального развития при ООН.

Хорошо обоснованы предложения как самой ЮНЕСКО, так и ВОЗ в отношении важности соответствующего медицинского персонала и его обучения, а также вопросов здравоохранения в сельской местности и

ценные исследования, проводимые сейчас МОТ.

Но сами по себе эти предложения ни к чему привести не могут. Каждое правительство при поддержке населения или — в зависимости от обстоятельств — под его нажимом должно предпринять все те меры, которые могут оказаться необходимыми для достижения более высокого уровня жизни, не говоря уж об идеалах, провозглашенных Лас Касасом.

По окончании университета, занимаясь изучением социального планирования, я все больше прихожу к убеждению в целесообразности такого подхода и жизненной необходимости его принятия. О том, чтобы кто-то из нас задумал от него отказаться, Нельза и помышлять.

Дж. Алдерсон
Лондон, Англия

ИЗОБРАЖЕНИЯ ШИВЫ

Я с удовольствием прочитал номер «Положение женщины сегодня» («Курьер ЮНЕСКО», сентябрь-октябрь 1975).

В первой подпункте к цветным вкладкам «Художницы Северной Индии» Шива ошибочно назван «богом-творцом». Во всех ведических книгах — первоначальных свидетельствах индуизма — ясно говорится о существовании трех богов: бога-творца Брахмы, бога-защитника Вишну и бога-разрушителя Шивы, или Махешвары. Бог Вишну — центральная фигура, верховное божество; он известен также как бог Кришна, бог Хари, Говинда, Нараяна и т. д. Брахма и Шива — это перевоплощения Вишну. Эти три грани бытия — создание, поддержание и уничтожение — непрерывно происходят во всем космосе, не только в том небе, которое мы видим над собой, но также в миллионах других солнечных систем, выходящих далеко за пределы того, что мы можем видеть и ощущать при помощи наших органов восприятия.

Аджой Махаланобис
Копенгаген, Дания

НАШ 28-Й ГОД

На первом из имеющихся у меня номеров «Курьера ЮНЕСКО» стоит «7-й год издания». На одном из последних, лежащих передо мною, указан «28-й год». Это большое достижение; я очень высоко ценю многие номера, и в особенности тот, который был посвящен теме «Человек расточает богатства природы» (январь 1958).

Ваш журнал интересно не только читать, он к тому же радует глаз. Публикуемые в нем письма находят отклик в моей душе. Желаю вам дальнейших успехов.

Т. У. Саммерс
Оксфорд, Англия

ВОЗРОЖДЕНИЕ ФИЛЭ

Поздравляю с замечательной статьей Анри Стерлана «Возрождение шедевров архитектуры» («Курьер ЮНЕСКО», декабрь 1974). С тех пор как журнал опубликовал первую из статей о храмах Филэ, я читаю все, что попадает мне в руки, об этих шедеврах мирового искусства.

Меня очень взволновала статья Анри Стерлана о возрождении Филэ; но еще большее впечатление произвела на меня информация о том, как различные страны откликнулись на призыв господина Рене Майо, бывшего Генерального директора ЮНЕСКО, денежными взносами на спасение этих храмов.

Проф. Даниэл Эдуардо Сонтон
Университет Гаваны, Куба

ОКНО В МИР ИСКУССТВА

В обзоре программы ЮНЕСКО на 1975/76 год («Курьер ЮНЕСКО», март 1975) говорится о предполагаемом изучении вопроса о том, как могли бы лица, преподающие и изучающие художественные дисциплины, помочь людям лучше понять искусство. Я уже два года преподаю искусство в маленькой (население 175 человек) общине Монтаны. Временами я мечтаю иметь больше возможностей для ознакомления с идеями ЮНЕСКО жителей этой отдаленной общины, особенно ее молодежи, изолированной в культурном отношении от остального мира. Ваше замечательное окно, открытое в мир, дает мне вдохновение.

Ширли Л. Лурсак,
Джудит-Галп, Монтана, США

НАШИ ОТРАВЛЕННЫЕ МОРЯ

Я решительно не согласен с Лидией Боровик, считающей, что читатели журнала хотят знать, как именно загрязнение морей ведет к заболеваниям и смерти рыб («Письма редактору», июль 1975).

Полагаю, что полезнее было бы обратить внимание общественности на неэффективность крупных международных конференций в деле предотвращения такого загрязнения. За 10 лет Средиземное море, Балтийское и Адриатическое превратятся в мертвые моря.

Пока не будет создан авторитетный наднациональный орган, который внедрит меры против загрязнения, все большие пространства морей будут гибнуть. Но трудно поверить, что политические деятели передадут контроль такому органу; их главная цель — экономический рост — не способствует развитию незагрязняющих отраслей промышленности.

А. де Бенесис де Ротру
Экс-ан-Прованс, Франция

ХРОНИКА ЮНЕСКО

Поздравительная телеграмма Л. И. БРЕЖНЕВУ

Генеральный директор ЮНЕСКО Амаду-Махтар М'Боу направил Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу телеграмму в связи с награждением его «Золотой медалью мира» имени Ф. Жолио-Кюри.

Горячо поздравляя Л. И. Брежнева с этой высокой наградой, А.-М. М'Боу отмечает, что присуждение «Золотой медали мира» является заслуженным признанием деятельности Л. И. Брежнева, направленной на укрепление мира во всем мире.

30-я годовщина ООН

В 30-ю годовщину основания ООН Амаду-Махтар М'Боу, Генеральный директор ЮНЕСКО, направил послание Генеральному секретарю ООН Курту Вальдхайму. «Порожденная решимостью спасти грядущие поколения от бедствий войны, которая дважды на протяжении жизни одного поколения принесла человечеству невыразимые страдания, — заявил М'Боу, — ООН продолжает спустя три десятилетия черпать свои силы в непоколебимой вере в человечество... 30 лет назад мы находились лишь в начале великого движения за независимость колониальных народов. Ни один человек в то время не мог бы представить себе, что длительный путь человечества к достойному существованию и справедливости приведет к тому, что традиционные взаимоотношения между государствами в экономической, социальной и культурной областях будут поставлены под вопрос, как это происходит в настоящее время... Мы теперь знаем, что если международное сообщество желает помочь тем народам, которые неспособны сами добыть ресурсы, необходимые для их собственного развития, и установить подлинно равноправные взаимоотношения между суверенными народами, то оно должно немедленно приступить ко всеобщему перераспределению ресурсов и интеллектуального и материального потенциала человечества путем коренного изменения нынешней организации сотрудничества между государствами...»

Помощь по спасению Мохенджодаро

ФРГ внесла 375 000 долларов в фонд международной кампании ЮНЕСКО по спасению одного из памятников культуры — Мохенджодаро, построенного 5000 лет назад, во времена древней цивилизации, существовавшей в долине Инда (Пакистан). Археологическим остаткам Мохенджодаро грозит гибель в результате коррозии под действием солей и затопления водами Инда. Пакистан и ЮНЕСКО проводят подготовительную работу по сохранению этого древнейшего поселения. Начатая ЮНЕСКО кампания потребует 5 миллионов долларов.

На Международной конференции по просвещению.

В Женеве с 27 августа по 4 сентября состоялась 35-я Международная конференция по просвещению, в которой участвовали представители более 50 стран. Главными темами дискуссии на конференции были роль, улучшение подготовки и повышение квалификации учителей в свете происходящих в современном мире социально-экономических процессов.

Данные ЮНЕСКО свидетельствуют, что во многих странах все большее значение за последние годы приобретают некоторые социальные факторы, ставящие новые проблемы перед школой и учителями: прогресс науки и техники, например, требует расширения научно-технической подготовки тех, кто дает знания учащимся; увеличение числа семей, где все родители работают, делает необходимым усиление воспитательных функций школы; развитие средств массовой информации ведет к внедрению новых методов обучения школьников.

На конференции обсуждались и другие проблемы, в том числе реформы образования, проводимые в ряде стран, в частности слияние школ первой и второй ступени; введение поливалентного обучения; нехватка квалифицированных педагогов в некоторых регионах мира.

Конференция приняла обширные рекомендации, направленные на дальнейшую модернизацию структуры и содержания школьного образования, на усовершенствование методов работы учителей.

Сессия Исполсовета ЮНЕСКО

В Париже с 15 сентября по 10 октября 1975 года проходила очередная, 98-я сессия Исполсовета ЮНЕСКО, в повестке дня которой стояли вопросы утверждения проекта программы и бюджета ЮНЕСКО на 1977—1982 годы и проекта среднесрочного плана ее деятельности на 1977—1978 годы.

Исполсовет с удовлетворением отметил, что при подготовке проектов программы и бюджета в предва- рительной консультации участвовали

86 стран — членов Организации. Члены Исполсовета проявили особый интерес к намеченным на предстоящее двухлетие мероприятиям по упрочению мира во всем мире и уважению прав человека. Они обсудили также меры по демократизации высшего образования и улучшению условий жизни в их связи с окружающей средой. Были затронуты и такие вопросы, как комплексное сельское развитие и участие женщин в развитии общества, физическое воспитание детей и нововведения в сфере распространения культуры.

Исполсовет одобрил предложения по среднесрочному плану, отметив, что он основан на «глобальном подходе к мировым проблемам, входящим в сферу компетенции ЮНЕСКО», и свидетельствует о стремлении сделать деятельность ЮНЕСКО более эффективной. В нем также рекомендуется усилить работу ЮНЕСКО по поддержанию мира, защите прав человека, улучшению систем образования, развитию науки и техники.

В резолюции Исполсовета по докладу о состоянии образования, науки, культуры и информации в Чили предложено чилийским властям «принять все необходимые меры для восстановления и охраны основных прав человека, а также для обеспечения нормальной работы всех университетов, школ, научных и культурных учреждений».

Обсудив вопрос о выполнении решения Генеральной конференции ЮНЕСКО об участии ЮНЕСКО в праздновании 30-й годовщины окончания второй мировой войны, Исполсовет одобрил деятельность Генерального директора и государства-членов по выполнению этого решения.

Выразив глубокое удовлетворение успешным завершением Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Исполсовет предложил Генеральному директору продолжать выполнение уже существующих европейских проектов, а также включить в программу ЮНЕСКО на 1977—1982 годы новые мероприятия в области образования, науки и культуры, призванные содействовать выполнению положений Заключительного акта Совещания.

Исполсовет предложил Генеральному директору принять необходимые меры по организации очередной сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в октябре 1976 года в городе Найроби (Кения).

Мероприятия ООН по поддержанию мира во всем мире

ООН не раз содействовала предотвращению войны или помогала уладить политические разногласия. Эта марка выпущена Почтовой администрацией ООН 21 ноября 1975 года в честь деятельности ООН по сохранению мира. Марка, на которой изображен цветок шиповника, выбившийся из колючей проволоки, символизирует работу военных наблюдателей и войск ООН во многих частях земного шара.

«Славянские культуры и Балканы»

С 15 по 20 сентября 1975 года в Варне (Болгария) под эгидой ЮНЕСКО проходила международная конференция «Славянские культуры и Балканы». После московской конференции 1974 года это было новое важное мероприятие в реализации Проекта ЮНЕСКО по изучению славянских культур. Около 150 ученых из 16 стран — Австрии, Англии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Греции, Дании, Италии, Польши, Румынии, СССР, США, Франции, ФРГ, Чехословакии и Югославии — обсуждали вопросы развития культуры славянских народов в их взаимоотношениях с культурами балканских народов на протяжении длительного периода — от IX века до 70-х годов XIX века. Всего на конференции было заслушано 122 доклада и сообщения.

Вся работа конференции прошла в деловой обстановке. Доклады советских ученых вызвали большой интерес у представителей научной общности разных стран. Следует отметить возрастающий интерес к славянской проблематике со стороны ученых неславянских стран. Повысилась активность молодых ученых-славистов. Материалы конференции предполагается опубликовать отдельным томом, поскольку они представляют научный и общественно-культурный интерес.

Музыка стран Азии

На пластинках, только что выпущенных для детей Азиатским культурным центром (ЮНЕСКО) в Токио, записана народная и традиционная музыка 14 стран Азии. Серия пластинок «Народная и старинная музыка Азии для детей», состоящая из трех долгоиграющих стереофонических пластинок, выпущена Токийским центром совместно с 15 азиатскими государствами — членами ЮНЕСКО; на них записаны песни и инструментальная музыка Афганистана, Бангладеш, Индонезии, Японии и Кореи; Лаоса, Малайзии, Непала, Пакистана и Филиппин; Сингапура, Филиппин, Шри-Ланка, Таиланда и Вьетнама. Цель создания этих пластинок — способствовать лучшей оценке многообразия азиатской музыки и тем самым содействовать развитию международного взаимопонимания. Поскольку пластинки предназначены в первую очередь для начальных и средних школ стран Азии, к ним приложено специальное руководство для преподавателей, в котором описываются традиционная музыка и музыкальные инструменты каждой страны. В прошлом году Токийский центр опубликовал две книжки для детей («Народные сказки Азии»), которые имели большой успех и в издании которых приняло участие 18 стран.

КОНФЕРЕНЦИЯ В ДЕЛИ

10—15 ноября 1975 года в Дели состоялась VI региональная конференция национальных комиссий по делам ЮНЕСКО стран Азии и Океании. В работе конференции, наряду с 17 другими странами этого региона, приняла участие делегация Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, возглавляемая заместителем председателя Комиссии, Генеральным секретарем МИД СССР Ю. Н. Черняковым.

Конференция обсудила ряд вопросов, связанных с деятельностью национальных комиссий региона и развитием сотрудничества между ними.

С большим интересом был воспринят доклад о вкладе ЮНЕСКО в укрепление мира, представленный Комиссией Монгольской Народной Республики по делам ЮНЕСКО. Обсуждение доклада и принятые конференцией рекомендации свидетельствуют о том большом значении, которое придают страны региона проблеме укрепления коллективными усилиями мира и стабильности в Азии.

С докладом «Об усилиях ЮНЕСКО по улучшению положения женщины» выступила член советской делегации З. Р. Рахимбаева. Ее выступление встретило благожелательный отклик и вызвало оживленную дискуссию. В рекомендациях по этому вопросу содержится призыв к национальным комиссиям содействовать созданию условий для более активного участия женщины в осуществлении социально-экономических задач, стоящих перед странами региона.

На конференции было уделено большое внимание вопросам, связанным с вкладом ЮНЕСКО в установление нового международного экономического порядка, а также конкретным программам и проектам ЮНЕСКО в странах региона. Намечены меры по развитию и укреплению контактов и деловых связей между национальными комиссиями стран Азии и Океании.

В работе конференции принял участие первый заместитель Генерального директора ЮНЕСКО Д. Фобс.

Президент Индии Фахруддин Али Ахмед устроил прием для участников конференции.

Две советские выставки в ЮНЕСКО

В ноябре 1975 года в штаб-квартире ЮНЕСКО демонстрировалась фотовыставка, посвященная 100-летию со дня рождения А. В. Луначарского, первого наркома просвещения Советского государства. На выставке было представлено множество исторических кадров, отраживших его многогранную деятельность по развитию народного образования, культуры и искусства, в частности групповые фото с В. И. Лениным, М. Горьким, Ромэном Ролланом, К. С. Станиславским, Бернардом Шоу. В экспозицию вошли и фото, свидетельствующие о грандиозных масштабах народного образования в СССР в настоящее время: новые школы, открытые во всех уголках страны, современная техника обучения, средние и высшие учебные заведения, готовящие кадры высококвалифицированных специалистов в различных областях знания.

В октябре 1975 года в штаб-квартире ЮНЕСКО была развернута фотовыставка «Советская женщина», посвященная Международному году женщины. Фото

рассказали о роли женщины в культуре, науке и образовании Советского Союза. В экспозицию были включены и некоторые исторические кадры: Н. К. Крупская с группой школьных учителей, А. М. Коллонтай, ленинградские девушки-зенитчицы и т. д. Внимание посетителей привлекли также художественные фотопортреты балерин Майи Плисецкой и Натальи Бессмертной, киноактрис Аллы Демидовой и Софики Чиаурелли и других всемирно известных представительниц советского искусства.

Посетителей заинтересовала фотография молодой девушки-участницы одного из танцевальных коллективов. Она была многократно повторена на плакате, выпущенном к открытию фотовыставки Ассоциацией персонала ЮНЕСКО, Комиссией культурной деятельности и Постоянным Представительством СССР при ЮНЕСКО. На открытии выставки выступили председатель Ассоциации персонала ЮНЕСКО Бенхалуд, заместитель Постоянного Представителя СССР при ЮНЕСКО В. Быков, заместитель Генерального директора ЮНЕСКО Дж. Фобс и другие официальные лица.

Обе выставки были подготовлены Агентством печати Новости по просьбе Постоянного Представительства СССР при ЮНЕСКО.

И. О. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ

АНАТОЛИЙ КУДИН

Адрес русской редакции: 119021, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21, т. 246-21-15

Московская типография № 2 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Зен. 4276

Цветные вкладыши отпечатаны в типографии Ж. Ланга, Париж.

КЕЛЬТСКИЙ БЕСТИАРИЙ

Отлитая из бронзы птичья голова представляет собой обломок бронзовой ручки, созданной в период кельтской цивилизации — так называемой латенской культуры (IV—I вв. до н. э.). Примером декоративного искусства кельтов может также служить замечательный бестиарий, где представлены изображения гребеша, лошадей, собак, баранов, оленей и многих видов птиц, которым поклонялись кельтские народы. Выполненные по большей части из золота, бронзы и серебра, эти оригинальные и утонченные изделия очень самобытны, их не спутаешь с соответствующими образцами искусства других народов древности. Изображенная здесь деталь бронзовой ручки найдена при раскопках неподалеку от Брно (Чехословакия) и находится сейчас в Моравском музее в г. Брно (см. статью на стр. 32)